ТЕОСОФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Нѣтъ религіи выше истины".

Ноябрь 1907 г. *Годъ I-й.* *№ 2.*

Братство Религій.

(*Окончаніе*).

Общность исторій.

Въ исторіяхъ всѣхъ основателей религій встрѣчаются общія главнѣйшія черты: каждая изъ нихъ имѣетъ отношеніе къ воплощенію Логоса, и во всѣхъ вѣрованіяхъ Солнце есть символъ Логоса. Дѣйствительно, Солнце, источникъ свѣта и жизни для планетъ своей системы, принималось древними религіями за самое тѣло Логоса. Его матеріальная внѣшняя форма, проявляющаяся на физическомъ планѣ, принята современными религіями за символъ всемогущества, тогда какъ въ древности въ ней видѣли образъ Того, Кто поддерживаетъ міры. Постоянно повторяющаяся исторія солнца и его ежегодныя явленія для земли служатъ основаніемъ вѣрованій и корнемъ миѳовъ для физическаго воплощенія каждаго изъ основателей великихъ религій; тогда какъ самая ихъ жизнь, подъ видомъ человѣка, изображается постоянно драмой Солнца на сценѣ міра. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только Исламъ и вотъ по какой причинѣ: послѣдователи великаго пророка Аравіи смотрѣли на него только какъ на человѣка, а не какъ на воплощеніе Логоса, въ чемъ они правы. Во всѣхъ же остальныхъ религіяхъ, гдѣ основатель считается воплощеніемъ Божества,—тамъ болѣе или менѣе ясно проглядываетъ великій миѳъ Солнца. На этомъ основаніи утверждали, что основатели религій не имѣли историческаго существованія, но это заблужденіе. Историческая жизнь въ такихъ случаяхъ проявлялась въ событіяхъ, воплощавшихъ миѳъ солнца, а историческое лицо лишь испускало лучи божественнаго Солнца. Конечно не Солнце является основателемъ религіи.

Митра въ Персіи и Озирисъ въ Египтѣ изображались знакомъ быка, потому что таковъ былъ знакъ Зодіака весенняго равноден-

ствія, представляющій вновь появленіе Солнца, символъ воскресенія изъ мертвыхъ въ эпоху учрежденія этихъ религій. По той же причинѣ Оаннесъ въ Халдеѣ имѣлъ знакъ рыбы, Юпитеръ назывался Аммономъ, а Іисусъ --агнцемъ. Главнѣйшія общія черты исторіи религій слѣдующія: Божественный основатель рождался въ тайномъ мѣстѣ, какъ-то: Кришна въ башнѣ, Митра въ пещерѣ, Христосъ въ вертепѣ, который по каноническимъ книгамъ называется яслями. Мистеріи Адониса, говорятъ, прежде тоже праздновались въ пещерѣ. Всѣ эти рожденія происходили при зимнемъ солнцестояніи и сопровождались чудесными явленіями, отличающимися другъ отъ друга, смотря по народности. Такъ девы осыпаютъ цвѣточнымъ дождемъ Деваки, мать Кришны и ея божественнаго младенца. Ангелы оглашаютъ воздухъ пѣніемъ при рожденіи божественнаго Іисуса отъ Дѣвы Маріи. Небесные голоса возвѣщаютъ, что Господь земли появился на свѣтъ, когда непорочная дѣва Нейѳа даетъ жизнь спасителю Озирису. При рожденіи Зороастра свѣтъ исходилъ изъ его тѣла и освѣщалъ комнату; девы поютъ радостныя пѣсни при рожденіи Будды, а китайцы—не индусы,— вѣрятъ, что онъ родился отъ дѣвы Майя подъ дѣйствіемъ духа Чингъ-Чи.

Рожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ Учителей предвѣщалось появленіемъ звѣзды. Іисусу въ дѣтствѣ угрожалъ смертью царь Иродъ, Кришнѣ--Камза.

Нарада свидѣтельствуетъ о природѣ младенца Кришны, Азита говоритъ о будущей славѣ младенца Будды, Симеонъ принимаетъ младенца Христа, какъ Спасителя міра.

Іисуса искушаетъ сатана, а Будду—Мара. Всѣ эти великія личности исцѣляютъ больныхъ, увѣчныхъ и воскрешаютъ мертвыхъ. Похожіе такимъ образомъ между собой своими жизнями Основатели различныхъ вѣрованій міра похожи между собой и своими кончинами. Смерть ихъ всегда насильственна, но съ идеей самопожертвованія, намекъ на жертву Логоса, который сотворилъ міръ подъ видомъ *Пуруши Сукты*, о чемъ говорится въ *Ригведѣ*.

Отъ этой „смерти“ Основатели религій возстаютъ торжествующими и возносятся на небеса. Озирисъ убитъ, и его тѣло раздѣлено, также какъ и *Пуруши*, но онъ возстаетъ и царствуетъ. Убитый *Таммузъ* служитъ предметомъ слезъ, но по воскресеніи служитъ предметомъ радости.

Адонисъ повторяетъ исторію Таммуза. Кришна, пронзенный стрѣлой охотника, возносится въ свой міръ. Митра убитъ, но воскресаетъ изъ мертвыхъ, чтобы спасти свой народъ.

Іисусъ распятъ, но возстаетъ изъ мертвыхъ и возносится на небо. И эти смерти и воскресенія изъ мертвыхъ происходятъ въ весеннее равноденствіе.

Всѣ эти безчисленныя сходства въ различныхъ религіяхъ не могутъ быть дѣломъ случая: они признакъ общей повторяющейся исторіи. Внѣшнія сходства бросаются въ глаза даже при бѣгломъ перелистываніи различныхъ священныхъ исторій міра, и чѣмъ больше ихъ изучать, тѣмъ больше раскрывается общность исторій этихъ чудесныхъ все повторяющихся сказаній о великой тайнѣ міра.

Общность этики.

Уже давно установлено внѣ всякихъ сомнѣній, что самая высокая нравственность есть общее достояніе всѣхъ религій земного шара. По этому поводу будетъ полезно привести только нѣсколько указаній, которыя намъ покажутъ богатыя залежи рудъ, откуда получаются эти драгоцѣнные слитки.

Платить добромъ за зло. Ману говоритъ: „Просвѣщенные люди очищаются прощеніемъ оскорбленій". Не раздражайтесь на человѣка въ гнѣвѣ: если онъ будетъ рѣзко говорить съ вами, отвѣчайте ему съ кротостью".

Будда учитъ: „Если человѣкъ причинитъ мнѣ въ безуміи страданіе я отплачу ему нѣжностью моей любви: чѣмъ больше онъ мнѣ сдѣлаетъ зла, тѣмъ больше я сдѣлаю ему добра.

Пусть человѣкъ платитъ за гнѣвъ любовью, за зло добромъ, за скупость щедростью, за ложь правдой. Ненависть никогда не прекратится подъ ударами ненависти же, но подъ вліяніемъ любви". Лао-Цзы сказалъ: „Я буду относиться къ хорошему человѣку съ добротой, но я буду и къ дурному относиться съ тѣмъ-же. Къ вѣрному отнесусь съ вѣрностью, но также отнесусь и къ невѣрному. Добродѣтель всегда честна, но и къ злу надо относиться съ добротой". Конфуцій отвѣтилъ спросившему его: „Чего не хотите, чтобы дѣлали вамъ, не дѣлайте того и другимъ". „Когда вы работаете для другихъ, дѣлайте это съ такимъ же усердіемъ, какъ для самихъ себя". Христосъ сказалъ: „Любите вашихъ враговъ, благословляйте проклинающихъ васъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ и молитесь за преслѣдующихъ васъ".

Смиреніе и любовь. Лао-Цзы сказалъ: „Укрощая постоянно страстность своей природы любовью возможно стать какъ младенецъ. Изгоняя изъ сердца нечистоту глаза можно стать безпорочнымъ. Есть чистота и спокойствіе, которыми можно управлять цѣлымъ свѣтомъ. Относясь любовно я осуществляю силу. Мудрый считаетъ себя послѣднимъ и тѣмъ не менѣе онъ первый, онъ предается и всетаки охраняется. Не есть ли это самоотреченіе? Этимъ онъ обезпечиваетъ свою защиту. Онъ не высказывается, и тѣмъ не менѣе онъ блистаетъ. Онъ не хвалится, и вотъ почему онъ от-

личенъ. Онъ не хвастается, и вотъ въ чемъ его заслуга. Онъ не превозносится, и вотъ почему онъ возвышенъ". Христосъ училъ: „Если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное; возвышающій самъ себя униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится".

Справедливость важные формы. Ману говоритъ о дѣйствіяхъ: „умственныхъ, словесныхъ и тѣлесныхъ", двигателемъ къ этимъ тремъ родамъ дѣйствій принято считать сердце.

Порочному чувственному человѣку не могутъ дать благополучія ни священное писаніе, ни дары, ни обряды, ни таинства. Будда сказалъ: „Любовь и вѣра, сопровождая добрыя дѣла, распространяютъ благотворную тѣнь и на міръ людей, и на міры ангеловъ".

Христосъ сожалѣлъ, что люди забываютъ самыя важныя стороны законовъ, справедливости, милосердія и правды.

* *
*

Можно было бы продолжать насчитывать множество текстовъ на каждую добродѣтель и находить сходные листы на древѣ каждой религіи. Всѣ онѣ учатъ одной истинѣ и служатъ проводниками одной и той же жизни. Каждое писаніе повторяетъ ту же вѣсть, потому что всѣ наставники составляютъ одно братство, и каждый изъ нихъ, обращаясь къ намъ, говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ.

Слѣдовательно религіи не есть соперницы и не должны ненавидѣть другъ друга. Онѣ дѣти одной матери и должны для блага человѣчества распространять истины, которыя онѣ узнали въ высшей средѣ.

Между религіями существуетъ истинное братство, и изучившій всѣ религіи міра замѣтитъ ихъ тождество. Для изучающаго просто сравнительную миѳологію—всѣ религіи покажутся одинаково ложными, и онъ найдетъ ихъ порожденіями невѣжества; для теософа же всѣ религіи истинны и происходятъ отъ мудрости. Каждая религія имѣетъ одинаковое право на истину, и ни одна не можетъ себѣ ее исключительно присвоить, говоря: „Это мое, а не ваше". Самое справедливое сказать: „Это мое, потому что это и ваше и другихъ".

Есть только одна религія: познаніе Бога, а всѣ религіи только вѣтви ствола настоящаго дерева жизни, корни котораго на небесахъ, а вѣтви распространены въ мірѣ человѣчества. Небесные корни это Мудрость, но ни вѣра, ни вѣрованіе, ни надежда, а только знаніе Бога даетъ жизнь вѣчную.

Оторвавъ листокъ отъ одной какой нибудь изъ вѣтвей этого дерева, человѣкъ можетъ имъ исцѣлять народы.

Никто не долженъ отрицать истины другого, потому что дру-

гой можетъ видѣть истину, которую не замѣчаете вы, но никто не долженъ навязывать своихъ мнѣній другимъ изъ опасенія ослѣпить ихъ, заставляя видѣть то, что не входитъ въ ихъ кругозоръ. Для насъ существуетъ только одно Солнце, и вся земная энергія есть только проявленіе силы этого Солнца; какъ одно Солнце поддерживаетъ всю землю, такъ одно „Я" блистаетъ во всѣхъ сердцахъ. Главное богохульство—это отрицаніе Бога въ людяхъ; главная ересь—это разъединеніе, говорящее: „Я отличаюсь отъ васъ, мы не едины".

Міръ можетъ спасти нѣчто большее, чѣмъ альтруизмъ, какъ бы благороденъ онъ ни былъ. Мы можемъ научиться самоотреченію, жертвѣ, смиренію и покорности, но мы только тогда постигнемъ Единаго, когда скажемъ: „Нѣтъ иного кромѣ меня, это мое „я" и „я" въ другихъ".

Когда всѣ люди это скажутъ, тогда наступитъ для міра золотой вѣкъ. Когда хотя одинъ человѣкъ докажетъ это своей жизнью, то, гдѣ бы онъ ни былъ, его присутствіе будетъ благословенно.

На самомъ дѣлѣ мы братья и даже больше, такъ какъ у братьевъ общій отецъ, а мы имѣемъ общее „Я", одно и то же „Я". Будемъ же видѣть славу „Себя" въ каждомъ изъ окружающихъ насъ и будемъ помнить, что отрицать себя въ самомъ низшемъ существѣ значитъ не признавать его въ себѣ и отрицать въ Богѣ.

Анни Безантъ.

Мораль обыкновенная, мораль трансцендентальная и теософія.

Особая точка зрѣнія, которую я избралъ, чтобы поговорить о задачахъ морали, освѣтитъ нѣкоторыя теософическія мысли, которыя, хотя и чужды обыкновеннымъ понятіямъ о нравственности, тѣмъ не менѣе достойны вниманія, такъ какъ могутъ служить путеводнымъ факеломъ для изученія трудныхъ вопросовъ: происхожденія и характера идей справедливости и морали. Возможно, что на первыхъ порахъ теософическіе взгляды вызовутъ нѣкоторое удивленіе, потому что они нѣсколько уклоняются отъ обыкновенно принятой формы подобнаго рода ученій; но, если ихъ разсмотрѣть безъ предвзятой мысли, то можно убѣдиться, что они заключаютъ самый свѣтлый и заманчивый идеалъ въ вопросахъ, касающихся этики.

* * *

На чемъ основываются законы обыкновенной нравственности? Вообще принято ограничиться тѣмъ, что установятъ самыя элементарныя истины, на которыхъ основывается нравственность, затѣмъ укажутъ исходящія изъ нихъ правила поведенія, не задумываясь при этомъ, ни о происхожденіи, ни о характерѣ понятій, ни о томъ, какъ они сложились въ развитіи человѣческой совѣсти.

Смотрятъ ли на правосудіе какъ на неуклонное, твердое желаніе отдавать каждому, что ему принадлежитъ, т. е. то, что ему приходится по праву по юридической формулѣ: cuique suum или же какъ на исправительную власть, которая устанавливаетъ и освящаетъ карательными мѣрами отношеніе одного человѣка къ другому; изучаютъ ли вопросъ нравственности съ философской точки зрѣнія, руководствуясь опытомъ и разсудкомъ, или, наконецъ, смотрятъ на него съ религіозной точки зрѣнія, основываясь на откровеніи и интуиціи, словомъ, какова бы ни была точка зрѣнія, на которую становишься,—исходнымъ пунктомъ надо брать совѣсть честнаго, религіознаго и прямого человѣка, дошедшаго до высшей степени цивилизаціи; надо проанализировать содержимое этой совѣсти и затѣмъ подвести итогъ его понятіямъ о правдѣ и неправдѣ,

о добрѣ и злѣ; затѣмъ путемъ разности того и другого вывести правила поведенія и на этомъ основаніи построить двойную лѣстницу обязанностей и добродѣтелей.

* * *

Теософія совершенно иначе смотритъ на эту задачу; она не оспариваетъ пользы и значенія такого способа для установленія закона нравственности, но она исходитъ совсѣмъ изъ другой точки зрѣнія для установленія главнѣйшихъ и фундаментальныхъ основъ. Вполнѣ логично, что на умъ приходятъ слѣдующіе вопросы: Почему у насъ есть обязанности? Почему мы должны творить добро и избѣгать зла? Какъ мы можемъ отличать добро отъ зла? Какой у насъ критеріумъ, чтобы утверждать, что принципы, руководящіе поступками, вѣрны, естественны и хороши тогда, когда говорятъ объ отдѣльной совѣсти и примѣняютъ ее къ поступкамъ всего человѣчества, не имѣя никакого права на такое обобщеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть общей мѣры, которую можно было бы примѣнить къ столь разнообразнымъ понятіямъ различныхъ народовъ въ вопросахъ, касающихся нравственности. Нетолько человѣческія убѣжденія мѣняются сообразно времени и мѣсту до такой степени, что казавшееся прежде нравственнымъ въ настоящее время намъ кажется возмутительно безнравственнымъ, но и теперь эти взгляды представляютъ большое разнообразіе.

Многоженство, хитрость и ложь до сихъ поръ въ чести у нѣкоторыхъ народовъ. Не признаютъ ли Левантійцы законнымъ присвоеніе чужой собственности, обманъ и поддѣлки*). А развѣ зрѣлища пытокъ, какъ напримѣръ, бои быковъ нравственны? Не даромъ сказано: „Правда за Пиренеями считается заблужденіемъ до нихъ", а теперь можно сказать: „Вчерашнія истины считаются сегодня заблужденіями", особенно по отношенію религіозныхъ воззрѣній. Какая громадная разница въ убѣжденіяхъ прежняго католика и теперяшняго. Было время, когда католики смотрѣли на различіе взглядовъ въ вопросахъ вѣры какъ на преступленіе. Въ наши дни ихъ жестокіе нападки исчезли, они еще встрѣчаются въ католическомъ мірѣ противъ вольтерьянцевъ, атеистовъ и массоновъ, но всетаки они освобождаются отъ чувства ненависти,—чувства столь противнаго духу Евангелія.

Религіозная нетерпимость до такой степени перепутала вопросы нравственности и религіи, что потребовалось много времени, чтобы освободить одни отъ другихъ.

* * *

Если разсматривать вопросъ нравственности только съ религіозной точки зрѣнія, то натолкнешься на большія затрудненія, про-

*) См. сочиненіе Герберта Спенсера „Эволюція морали".

исходящія отъ разнообразія формъ религій, при чемъ каждая изъ нихъ имѣетъ притязаніе на исключительное обладаніе истиной и утверждаетъ, что только она имѣетъ истинное Откровеніе. Если вѣрить, что законъ о нравственности былъ данъ разъ навсегда по божественному повелѣнію на горѣ Синаѣ Моисею, то встрѣтятся непреодолимыя затрудненія. Теперь закону Моисея противопоставляютъ другой законъ нравственности, который считаютъ выше перваго, несмотря на то, что этотъ законъ древнѣе законовъ Моисея на 1000 лѣтъ. Это сводъ законовъ Гаммураби, основателя величія Вавилона,—законы эти вырѣзаны на твердомъ камнѣ, найденномъ при раскопкахъ въ древней Халдеѣ. Говорятъ даже, что это археологическое открытіе дѣлаетъ сомнительной подлинность Пятикнижія и даже существованіе Моисея *).

Принесеніе въ жертву животныхъ, жертвоприношенія въ храмахъ и многобрачіе у Евреевъ, не будучи нравственными явленіями, были вполнѣ допущены. Подобные поступки не могли быть внушены Богомъ, слѣдовательно нельзя ли упрекнуть Моисея въ томъ, что онъ самъ издалъ ихъ?

Можно предположить, что онъ допускалъ эти факты только по необходимости дѣлать уступки и вводилъ правила сообразно съ тогдашнимъ состояніемъ совѣсти Евреевъ.

Ни Христосъ, ни апостолы не нападали на рабство. Только въ одномъ посланіи Апостолъ Павелъ совѣтуетъ, если возможно, пользоваться свободой, хотя бы и былъ призванъ Богомъ быть рабомъ. Если Христосъ не коснулся этого важнаго вопроса, то всетаки нельзя предположить, чтобы Онъ одобрялъ рабство, такъ какъ Онъ всегда предписывалъ людямъ относиться другъ къ другу по братски. Мы можемъ лишь предположить, что положительное запрещеніе по этому поводу не подошло бы къ тогдашней степени развитія человѣчества и будучи непонято, оно могло бы вызвать только возмущеніе общественной совѣсти.

Если полагаютъ, что понятія нравственности и вѣра въ будущую жизнь и божественную справедливость водворились въ свѣтѣ съ введеніемъ христіанства, то достаточно обратиться къ сочиненіямъ ученыхъ, занимающихся наукой о религіи, чтобы разубѣдиться въ этомъ мнѣніи. Слишкомъ много общаго съ разными языческими вѣрованіями, чтобы можно было исключительно приписать эти вѣрованія и нравственныя истины торжеству христіанства.

Если допустить происхожденіе нравственности отъ божественнаго откровенія, дарованнаго Библіи, то ученые требуютъ такого же

*) По нѣкоторымъ толкованіямъ Священнаго Писанія наука религіозной критики сдѣлала два вывода: 1) Пятикнижіе въ томъ видѣ какъ дошло до насъ не можетъ быть твореніемъ Моисея. 2) Первыя главы книги Бытія не содержатъ точной и правильной исторіи происхожденія человѣчества. (Etudes bibliques, par l'abbé Loisy. p. 148).

Откровенія для Священнаго писанія другихъ религій. Конечно теософія признаетъ полную величія дѣйствительность Откровенія и то большое значеніе, какое оно имѣетъ въ направленіи человѣчества на путь справедливости и правды, но тѣмъ не менѣе не дѣлаетъ изъ него единственной основы нравственности.

То же самое и относительно интуиціи, этого драгоцѣннаго и таинственнаго психологическаго явленія, которое освѣщаетъ совѣсть. А. Безантъ, признавъ интуицію за главный факторъ въ вопросахъ нравственности, не смотритъ на него какъ на божественнаго посредника или голосъ Бога. Напримѣръ, когда инквизиторъ пыталъ своего ближняго, нетолько съ согласія своей совѣсти, но съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ дѣлаетъ это къ прославленію Бога, конечно при этомъ онъ не былъ руководимъ голосомъ Всевышняго, обращеннымъ къ его совѣсти. А между тѣмъ этотъ поступокъ, который теперь намъ кажется чудовищнымъ, тогда считался вполнѣ нравственнымъ. Какъ же объяснить роль интуиціи при такихъ заблужденіяхъ религіозной совѣсти? Мнѣ кажется, что интуиція какой-нибудь истины, проходя черезъ состоянія нашей совѣсти, исполненной страстями и предразсудками, до такой степени ослабляется и видоизмѣняется, что въ концѣ концовъ мы уже не въ состояніи отличить истину отъ заблужденій, которыя мы такъ накопляемъ вокругъ нея.

Положенія системы нравственности утилитаристовъ тоже не могутъ служить единственнымъ и основнымъ принципомъ. Обусловливая, что наибольшая сумма счастья, въ какой бы то ни было формѣ, есть цѣль поведенія человѣка, утилитаристы превозносятъ личную жертву для общаго блага. Несомнѣнно полезно доказывать, что счастье одного зависитъ отъ счастья многихъ, но если человѣкъ убѣжденъ, что послѣ смерти всякая личная связь прерывается съ человѣчествомъ, то каждый пойметъ, что очень невыгодно работать для какого то отдаленнаго счастья будущихъ поколѣній, къ которымъ самъ никогда не будешь принадлежать. Истинный альтруизмъ не заключается въ томъ, чтобы работать для общаго благополучія, ради полученія при этомъ личной выгоды, но онъ состоитъ въ работѣ для общаго благополучія, не заботясь при этомъ о своемъ собственномъ. Вотъ идеалъ, для достиженія котораго нужно духовное развитіе, полное самоотреченія, жертвъ и преданности общему благу. Какъ сдѣлать, чтобы этотъ идеалъ проникъ въ массы, которыя заботятся только о настоящемъ счастіи и подчиняются только жизненному инстинкту? Вотъ этотъ жизненный инстинктъ и есть великій двигатель соціальной эволюціи. Но инстинктъ трудно поддается простымъ разсужденіямъ; чтобы побѣдить его нужна сила выше разума,—сила духовная.

Анни Безантъ говоритъ, что утилитаризмъ имѣетъ нѣкоторую

долю правды въ томъ отношеніи, что онъ основываетъ свои правила нравственности на общихъ опытахъ расъ, но также какъ ученія о интуиціи и Откровеніи имѣетъ значеніе только какъ руководитель отдѣльной совѣсти, не будучи въ состояніи служить основаніемъ для понятій нравственности и справедливости.

* * *

Для того, чтобы найти настоящее разрѣшеніе вопроса нравственности, надо привести логическое объясненіе всѣхъ радикальныхъ измѣненій правилъ поведенія, происшедшихъ за періодъ времени отъ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней, другими словами во всѣ времена и по всюду. Не достаточно исходить отъ состоянія отдѣльной совѣсти для того, чтобы установить абсолютныя правила общественнаго поведенія, потому что, глядя на прошлое, мы можемъ съ увѣренностью предвидѣть, что эти правила въ будущемъ подвергнутся еще болѣе глубокимъ видоизмѣненіямъ.

Нравственность не абсолютна, она относительна и проходитъ черезъ послѣдовательныя стадіи, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Необходимо имѣть направляющую нить, чтобы руководствоваться въ невообразимомъ хаосѣ мыслей и поступковъ, гдѣ спутаны между собой добро и зло, лучшее съ худшимъ, плохое съ самымъ дурнымъ; для того, чтобы сдѣлать правильный выборъ среди этой массы обязанностей, кажущихся несовмѣстимыми. Словомъ, прежде всего намъ надо знать, зачѣмъ мы должны исполнять обязанности, а иначе онѣ намъ покажутся совершенно условными и сомнительными. Вотъ такою руководящею нитью въ лабиринтѣ разныхъ тезисовъ, касательно нравственныхъ задачъ, можетъ служить теософія. Опираясь на томъ же принципѣ, какъ философія и наука, и ставя эволюцію, какъ основу, на которой покоятся идеи справедливости и нравственности, теософія опередила интеллектуальное общее движеніе, которое распространяется какъ въ научномъ мірѣ, такъ и въ религіозной средѣ христіанской вѣры.

Благодаря движенію, которое увлекаетъ человѣческій умъ впередъ, на путь развитія безъ возврата назадъ, образуется новый духъ: это заря научной религіи, которая хочетъ свободной критики въ вопросахъ религіи и требуетъ соглашенія вѣры съ научнымъ свѣтомъ. Это неудержимый порывъ, который толкаетъ къ религіозному обновленію, согласно съ новѣйшими измѣненіями геологіи, астрономіи и археологіи.

* * *

Все возрастающій авторитетъ эволюціонныхъ теорій, на который такъ много ссылаются матеріалисты, чтобы подкопаться подъ религіозныя вѣрованія, заставляетъ христіанскихъ мыслителей от-

носиться съ извѣстнымъ недовѣріемъ къ научнымъ тезисамъ. Они опасаются скрытаго нападенія на религіозныя начала и имѣютъ предвзятую мысль, что эволюція нравственности трудно уживется съ доктринами христіанства. Впрочемъ нѣкоторые религіозные мыслители, какъ среди правовѣрныхъ, такъ и среди высоко ученыхъ священниковъ и пасторовъ, допускаютъ общую идею эволюціи, а нѣкоторые даже и эволюцію нравственности *).

Тѣмъ, которые оспариваютъ прогрессъ нравственности и не вѣрятъ, что онъ идетъ все по восходящей линіи, философы позитивисты даютъ слѣдующій отвѣтъ: „Пусть тѣ, которые смотрятъ на цивилизацію какъ на прогрессъ идущій вспять и находятъ, что феодальное устройство даетъ наибольшее счастье сравнительно съ нашимъ теперешнимъ, пусть они вспомнятъ о все возраставшемъ вассальствѣ, о положеніи рабовъ, о подземныхъ темницахъ и камерахъ пытокъ.“ Вотъ взглядъ, который долженъ быть значительно расширенъ. Положительная философія пыталась основать научную нравственность, но имѣется столько системъ сколько ученыхъ. Всетаки надо признать, что въ каждомъ ученіи просвѣчиваетъ лучъ правды, который придаетъ ему извѣстную цѣну. По даннымъ позитивистовъ нѣтъ ни абсолютной нравственности, ни абсолютной нравственной совѣсти. Есть состоянія совѣсти въ разныхъ степеняхъ нравственности, которыя могутъ увеличиваться или уменьшаться и такія колебанія вызываютъ естественно перемѣну въ поступкахъ.

Недавняя побѣда, одержанная позитивной философіей, состоитъ въ томъ, что она ясно установила прогрессъ въ поведеніи человѣчества, начиная отъ самыхъ низкихъ человѣческихъ существъ и кончая самыми высшими и нашла, что предметомъ нравственности служитъ форма, какую принимаетъ общественное поведеніе на высшей степени своего развитія.

* *
*

Допуская эволюцію нравственности, теософія ясно отдѣляется отъ позитивистовъ въ самомъ основномъ вопросѣ. Современная психологія ставитъ на первомъ планѣ біологическій законъ и имъ объясняетъ развитіе физическихъ органовъ мысли и послѣдовательныя видоизмѣненія нравственныхъ понятій совмѣстно съ дѣйствіями; теософія же доказываетъ, что если умъ и нравственность развивались параллельно, то это происходило благодаря *вѣчному закону природы духовнаго развитія*, которое присоединяется къ физическому, чтобы согласовать крайности **).

---

*) Сабатье и Фоггазаро говорятъ, что думающихъ, какъ они, цѣлый легіонъ въ католическомъ мірѣ.

**) Doctrine secrète, par H. P. B.

Наши ученые говорятъ о дисгармоніи *), вызванной вмѣшательствомъ совѣсти въ игру инстинктовъ и называютъ такія дисгармоніи—пороками. Теософія учитъ, что именно роль закона духовнаго развитія состоитъ въ согласованіи этихъ разногласій. Законъ этотъ дѣйствуетъ духовной силой, которая зарождаетъ и роститъ въ душѣ человѣка различные зародыши, отъ которыхъ и зависитъ, что изъ него произойдетъ.

Наши ученые выдвинули два пункта: во-первыхъ, что эволюція человѣческихъ способностей покорно слѣдуетъ за эволюціей жизни народовъ, и во-вторыхъ, что на отдѣльное развитіе нравственной жизни благотворно вліяло явленіе человѣческихъ геніевъ, внесшихъ правила нравственности и запечатлѣвшихъ свои ученія, польза которыхъ несомнѣнна.

Откуда являлись эти геніи? Они не могли быть слѣдствіемъ развитія человѣчества, потому что значительно превосходили среднее умственное развитіе. Можно ли предположить, чтобы божественный законъ предоставилъ человѣчеству безпомощно прокладывать себѣ путь нравственности?

Теософическое ученіе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: Анни Безантъ показываетъ, что каждая нація выполняла божественное назначеніе, развивая какое нибудь особенное характерное качество, которое служило ступенью къ возвышенію человѣческой совѣсти: у Индусовъ—долгъ, у Грековъ—изящество, красота, у Халдейцевъ—наука, у Римлянъ—право и т. п. Она говоритъ, что при всѣхъ критическихъ фазисахъ, черезъ которые проходило человѣчество, всегда являлась болѣе мудрая и старѣйшая душа или Просвѣтитель посланный Провидѣніемъ; онъ давалъ опору своею опытностью и знаніемъ своимъ болѣе юнымъ братьямъ. Своими словами онъ ускорялъ зарождающееся духовное развитіе и облегчалъ намъ приближеніе къ свѣту.

Вотъ это я постараюсь отдѣлить отъ философіи исторіи. Факты, взятые изъ исторіи человѣчества, которые я приведу, дадутъ возможность слѣдить за постепенными періодами эволюціи нравственности и оцѣнить значеніе тезиса г-жи Безантъ, чтобы знать развитіе какого нибудь характернаго качества въ народѣ и посредничество Просвѣтителя, являющагося въ міръ, чтобы установить великіе руководящіе принципы нравственности и провести ихъ своею жизнью, чтобы они были поняты и примѣнены къ жизни.

Различаютъ четыре великіе періода въ эволюціи нравственности смотрятъ на каждый изъ нихъ, какъ соотвѣтствующій развитію идей: свободы, равенства, справедливости и братства,—идей, кото-

*) Мечниковъ. См. L'organisation de la Conscience morale, par Delvolve (Alcan).

рыя составляютъ основу нравственности и показываются какъ основныя понятія существа или какъ неотдѣлимые зародыши человѣческой совѣсти.

* *
*

Первая стадія первоначальнаго періода, если судить по дикарямъ новѣйшихъ временъ, есть періодъ произвола слѣпаго инстинкта и хаоса нравственности; онъ соотвѣтствуетъ расцвѣту зародыша въ чувственной части души *). Пробужденіе жизни вызываетъ влеченіе къ грубой чувственной жизни, является исканіе варварскихъ удовольствій, грабежи, убійства, преслѣдованіе животныхъ и жестокость. Пробужденіе зародыша свободы выражается непреодолимымъ влеченіемъ къ свободной жизни, но вначалѣ это стремленіе ограничивается заботой только о своей личной свободѣ, безъ малѣйшей мысли о свободѣ другихъ. Пьеръ Леру говоритъ: „Юныя расы прошлаго сражались за свободу, но они, какъ дѣти, любили свободу только для себя и были при этомъ безжалостны къ другимъ".

Сенъ-симонистъ Пьеръ Леру, предтеча теософіи, написалъ чудныя страницы по этому поводу въ своемъ сочиненіи „Равенство". Говоря о господахъ и тиранахъ древности, которые отрицали права своихъ рабовъ, онъ восклицаетъ:

„Они не знали, эти тираны, преисполненные гордости, что права каждаго взяты изъ общаго права, и что мѣшать развитію и проявленію правъ большинства людей, значитъ сокращать великій источникъ правъ, изъ котораго мы почерпаемъ нашъ свѣтъ. Провидѣніе пожелало, чтобы правами рабовъ эти гордые люди увеличивали свои владѣнія и права, но оно же придумало для рабовъ и варваровъ то, что даже не могъ заподозрить геній тирановъ... По соображеніямъ справедливости Провидѣнія **) Греки подпали подъ самое жестокое владычество Турокъ, и рабство угнетало ихъ болѣе, чѣмъ какую либо націю."

Слѣдовательно, человѣчество должно было узнать изъ горькаго опыта и сильныхъ переворотовъ, что власть, направленная на то, чтобы вредить, истязать и угнетать, всегда пагубна для тѣхъ, кто ею злоупотребляетъ. Это двойная смѣна дѣйствія и противодѣйствія, столь неопровержимая при изученіи процессовъ эволюціи, приводитъ къ убѣжденію, что существуетъ законъ справедливости (Карма), управляющій міромъ въ связи съ закономъ эволюціи. Когда въ природѣ нарушено равновѣсіе,—то законъ справедливости возстановляетъ его. Тѣ, которые противились закону эволюціи: на-

*) Астральное или Камическое тѣло по терминологіи Теософіи (Кама-страсть).
*) Карма индусовъ и теософовъ.

роды ли, расы или личности,—переносятъ неизбѣжныя отъ этого послѣдствія, выражающіяся войнами, общественными бѣдствіями, или страданіями отдѣльныхъ личностей.

Теперь является вопросъ, разрѣшеніе котораго приведетъ насъ къ стадіи равенства. Какимъ образомъ законъ эволюціи могъ научить людей солидарности? Чтобы скрѣпить эту общественную связь надо было ограничить человѣческую жизнь узкими рамками. Отсюда произошли касты. Особенно въ Индіи національное чувство было сильно стѣснено.

Прежде чѣмъ понятіе о правахъ другихъ на свободу, какъ принципъ нравственности, могло быть усвоено, необходимо было пробужденіе разума и соображенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность возросла пропорціонально увеличенію разума, и вѣчный законъ справедливости путемъ противодѣйствія и горькихъ испытаній показалъ человѣчеству, чего ему стоили его нападенія на свободу отдѣльныхъ личностей. Страданіе необходимо, чтобы запечатлѣть жизненные уроки. Въ древней цивилизаціи, въ полномъ расцвѣтѣ интелектуальной и философской жизни, свѣтъ интуиціи вдругъ освѣтилъ человѣческую совѣсть.

Греческіе философы, стоики, нашли безобразнымъ произволомъ дѣленіе человѣчества на два класса: на господъ и на рабовъ. Но эгоизмъ былъ сильнѣе интуиціи. Весь древній міръ, Греки и Римляне осмѣливались отрицать въ рабѣ его высшую свободную человѣческую природу и ставили его почти на одинъ уровень съ животнымъ. Законъ божественной Справедливости показалъ имъ жестокими уроками, что право свободы неприкосновенно, и допустилъ рабовъ и варваровъ въ свою очередь раздавить гордыхъ тирановъ. Во имя свободы угнетенные разорвали свои цѣпи и разбили своихъ притѣснителей *).

Продолжительна и тяжела была борьба за свободу. Прошли вѣка, прежде чѣмъ она была признана за принципъ, и протекли еще вѣка, прежде чѣмъ этотъ принципъ былъ примѣненъ. На сторонниковъ уничтоженія рабства въ Америкѣ сначала смотрѣли какъ на нарушителей общественнаго порядка. Памятныя слова за уничтоженіе рабства прибавляютъ лишній цвѣтокъ къ славѣ Франціи. Когда Національному Собранію сказали, что такая мѣра раззоритъ колоніи, въ отвѣтъ на это раздался общій крикъ, полный высокой справедливости: „Пусть лучше погибнутъ наши колоніи, только не принципъ“ **).

Но душа Индіи, страны глубоко религіозной, охранительницы традицій, застыла въ неподвижности въ возмутительномъ неравен-

---

*) См. L'Egalité par P. Leroux.
**) См. L'Egalité, p. 15.

ствѣ кастъ. М. Миллоне, авторъ извѣстныхъ трудовъ о религіяхъ Индіи, описываетъ нравственное состояніе этой страны въ моментъ появленія Буддизма:

„Всѣ законы были нарушены, говоритъ онъ, справедливость стала пустымъ звукомъ, къ невыносимой тираніи присоединились самыя ужасныя преступленія и испорченность. Столько бѣдствій не могли долго продолжаться. Время для реформы назрѣло" *).

И вотъ тогда явился божественный цѣлитель, мудрый просвѣщенный Будда выполнить свое высокое назначеніе. Онъ сталъ немилосердно преслѣдовать идоловъ пантеона и касты. Исполнивъ это дѣло очищенія, его духъ всеобщаго милосердія заставилъ его пропагандировать основной законъ равенства по существу. Этотъ законъ вытекаетъ изъ его ученія, доказывающаго, что въ каждомъ человѣкѣ въ зародышѣ есть часть Будды, т. е. душа самаго низшаго изъ существъ можетъ постепенными перевоплощеніями возвыситься до степени совершенства Будды. Миллоне находитъ очевиднымъ, что Буддисты вѣрятъ въ индивидуальное безсмертіе души, потому что дѣлаютъ изъ души неразрывную частицу общей Души или „духовное начало". Это одинъ изъ самыхъ выдающихся фактовъ исторіи человѣчества, подкрѣпляющій тезисъ о пришествіи Учителя для введенія и проведенія въ жизнь одного изъ высшихъ принциповъ нравственности. Капитальный фактъ открытія міру „равенства природы и сущности всѣхъ людей" не составляетъ ли одной изъ величайшихъ стадій въ эволюціи нравственности?

Добавимъ, что въ то время, какъ Будда открывалъ людямъ эту великую истину, Пиѳагоръ явился въ Греціи, какъ преобразователь нравственности, какъ философъ и религіозный геній. Миллоне указываетъ, что при появленіи Будды не только Индія, но весь свѣтъ находился въ какомъ то волненіи, какъ будто ожидая и приготовляясь къ великимъ событіямъ: у Грековъ Солонъ подготовлялъ свои законы, Римъ выходилъ изъ варварства; Орфей, Конфуцій и Лао-Дзы основывали философскія и религіозныя системы. У Евреевъ въ это время пророкъ Іезекіилъ исполнялъ свое пророческое назначеніе; Іерусалимъ подпалъ подъ владычество Вавилона **). Не цѣлая ли это плеяда высшихъ руководителей, каждый изъ которыхъ вносилъ что-нибудь личное и характерное, чтобы указать путь нравственности человѣчеству?

* * *

Исторія Еврейскаго народа даетъ намъ возможность прослѣдить другую стадію эволюціи нравственности, стадію справедливости. Наши ученые лучше всего прослѣдили за этой эволюціей по исторіи

---

*) Les religions de l'Inde, par Millоné.
**) Ibid.

библейскихъ пророчествъ, показывая по нимъ послѣдовательное развитіе идеи справедливости *). Пророки съ необыкновенною силой проповѣдывали справедливость, но ихъ понятія объ этомъ чувствѣ прошли черезъ три послѣдовательныя стадіи, соотвѣтствующія состоянію развитія совѣсти еврейскаго народа. Въ первой стадіи, въ стадіи господства инстинктовъ и страстей требовалась постоянная угроза тѣлеснаго наказанія, чтобы ихъ укротить и въ тоже время оградить народъ отъ необузданности богатыхъ и сильныхъ. Это стадія общественной справедливости.

Когда же черезъ Откровеніе еврейскій народъ получилъ отъ своихъ духовныхъ руководителей законъ нравственности,—послушаніе этому закону стало дѣломъ нравственнымъ и религіознымъ. Это вторая стадія—стадія религіозной справедливости. Наконецъ, когда народъ прошелъ черезъ испытанія и искупилъ свою вину тягостью плѣненія, тогда человѣческая душа образумилась и сдѣлалась справедливой и нравственной, потому что искала своего Бога, пробудясь духовно. „Праведникъ тотъ, говоритъ пророкъ Исаія, у кого въ сердцѣ написанъ законъ нравственности". Это стадія нравственной эволюціи, стадія спасенія черезъ примиреніе съ Богомъ. Глубокое и прекрасное выраженіе, употребленное пророкомъ Исаіей „законъ написанъ въ сердцѣ" дополняется чудными словами Новаго Завѣта „Царствіе Божіе внутри васъ" или, наконецъ, словами Апостола Павла „Христосъ рождающійся въ сердцѣ". Въ основаніи это все одна и та же мысль, но каждый разъ выраженная иначе. Мы видимъ, что у евреевъ нравственность вводится медленной эволюціей и постепенно возвышается до удивительнаго расцвѣта великихъ надеждъ, которымъ суждено было осуществиться съ появленіемъ христіанства.

Оставалось сдѣлать одинъ великій шагъ: зародышъ долженъ былъ развиться въ человѣческой совѣсти, чтобы возвысить ее до слѣдующей высшей стадіи нравственной эволюціи. И вотъ для расцвѣта этого божественнаго зародыша Великій Богочеловѣкъ, Господь Христосъ, произнесъ великое слово Братства. Это чувство невыразимой взаимной любви, связывающей человѣческія существа и соединящей ихъ самыми неразрывными и отрадными узами съ Богомъ, Который ихъ привлекаетъ къ Себѣ.

Такимъ образомъ былъ установленъ принципъ братства, но сколько вѣковъ прошло уже съ тѣхъ поръ и сколько еще пройдетъ, прежде чѣмъ этотъ принципъ будетъ понятъ и проведенъ въ жизнь! Первые христіане распространяли его по свѣту и запечатлѣли божественное ученіе своею кровью. Но повидимому наслѣдство Христа лучше сохраняло свою чистоту въ эпоху гоненія, чѣмъ въ эпоху

*) См. статью Кенига въ „Revue de l'histoire des religions".

торжества. Страданіе какъ бы скрѣпляетъ узы взаимныхъ обязанностей и общности какого нибудь союза, между тѣмъ какъ при благополучіи и полной свободѣ, человѣческій умъ съ его закоренѣлой тенденціей къ свободѣ личности, тратитъ свои силы въ безплодныхъ спорахъ и только вызываетъ этимъ внутренній разладъ. Впрочемъ, это общая судьба всѣхъ соціальныхъ и религіозныхъ союзовъ, соединенныхъ одной господствующей идеей.

Побѣдоносная теократія сдѣлалась тираничекой и стала насиловать не только чувство братства, но и личную свободу и свободу совѣсти. Полный любви законъ Христа сдѣлался символомъ ужаса для христіанъ, когда инквизиція именемъ мстительнаго и грознаго Бога открыла свои ужасныя дѣйствія. Не будемъ забывать, что мы обязаны нашей настоящей безопасной жизнью и свободой совѣсти непримиримой борьбѣ, начатой философіей XVIII вѣка; она служила предметомъ проклятій, но побѣдила наконецъ теократію. Также, благодаря только ея требованіямъ свободы, равенства и защитѣ правъ бѣднаго народа и настоятельнымъ воззваніямъ философовъ въ пользу духа братства, утвердилась въ мірѣ истина нравственнаго согласія, которой угрожала большая опасность отъ религіознаго фанатизма. Слѣдовательно философія XVIII в. сыграла важную роль въ эволюціи нравственности: она соединила и закрѣпила въ человѣческихъ умахъ великія идеи, за послѣдовательнымъ развитіемъ которыхъ мы теперь слѣдимъ.

* * *

Обращаясь къ прошлому нельзя не признать великаго шага, сдѣланнаго на пути нравственнаго прогресса. Какой громадный шагъ впередъ отъ феодальнаго замка до капитала, несмотря на ихъ общее основаніе на правѣ собственности. Въ прежнее время свободная мысль въ вопросахъ религіи или политики приводила къ костру, ссылкѣ или тюрьмѣ; теперь же царствуетъ свобода мнѣній и совѣсти; если теперь слегка покусятся на нихъ, то этимъ вызовутъ всеобщее возмущеніе общественной совѣсти.

Прежде у римлянъ считалось вполнѣ справедливымъ, что отецъ имѣлъ права на жизнь и смерть своихъ дѣтей, или напримѣръ въ Средніе вѣка господинъ могъ искупить убійство своего раба ничтожною суммою денегъ, теперь же это намъ кажется беззаконнымъ и отвратительнымъ. Еще недавно находили естественнымъ изнурять работой человѣческія существа, принужденныя зарабатывать свой хлѣбъ, а теперь введено ограниченіе рабочаго времени, нетолько съ цѣлью не злоупотреблять силами рабочаго, но чтобы дать ему возможность принять участіе въ общемъ умственномъ развитіи.

Двѣ стадіи, черезъ которыя прошла нравственность, а именно свободы и равенства, значительно подвинули человѣческій умъ къ

единству и вызвали новое направленіе мыслей. Что же сдѣлалъ новый человѣкъ?

Онъ уничтожилъ отчасти преграды классовъ, дѣлавшія людей ненавистными другъ другу; этотъ новый человѣкъ смотритъ на войну, какъ на народное бѣдствіе, и не признаетъ искусственныхъ добродѣтелей, ложную славу, ложное величіе, ложную извѣстность, а признаетъ только истинныя качества человѣка, качества направляющія умъ къ высшему идеалу, чѣмъ идеалъ обыкновенной нравственности. Этотъ же новый человѣкъ начинаетъ понимать, что человѣчество есть только одинъ моментъ вѣчнаго бытія, что міры и существа ихъ населяющія находятся въ связи съ цѣлыми циклами эволюціи, и что нашъ міръ подчиненъ общему всемірному Закову, который управляетъ великой эволюціей.

Этотъ великій законъ невольно пробуждаетъ потребность вѣры въ одного Бога для всѣхъ людей и стремленіе смотрѣть на человѣческій родъ, какъ на тѣсно связанный между собой по своей природѣ, общей съ Божествомъ. Новыя мысли, вызвавшія это стремленіе, ознаменовались необыкновеннымъ событіемъ, имѣвшемъ громадное нравственное значеніе для всего міра. Не привѣтствовали ли *первый конгрессъ религій* какъ *великій праздникъ новаго духа братства*, который долженъ воодушевлять всѣхъ людей? Начало этого конгресса должно было преисполнить невыразимою радостью божественные міры. Представители всѣхъ религій, соединенные однимъ чувствомъ, слушали съ глубокимъ благоговѣніемъ молитву „Отче Нашъ", данную Христомъ міру. Къ несчастью, духъ превосходства и нетерпимости заставилъ христіанъ поддаться миссіонерству вмѣстѣ съ представителями другихъ религій. Отчего не съумѣли они сохранить умѣренности и безпристрастія въ отчетахъ конгресса и зачѣмъ сочли они делегатовъ восточныхъ религій язычниками? Это былъ единственный случай основать начало общей религіозной нравственности и дать толчекъ религіозной идеѣ, освобожденной отъ духа предразсудковъ. Но духъ сектантства испортилъ всѣ результаты.

Всетаки, несмотря на всѣ несовершенства, проявленіе такого высокаго религіознаго чувства указываетъ на значительную эволюцію нравственности. Это характерное стремленіе образовать религіозную связь человѣчества,—залогъ будущаго мира среди исповѣданій и въ немъ можно видѣть путь къ самой трудно достижимой стадіи нравственнаго развитія, а именно *совершеннаго равенства между людьми*, принадлежащими къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, относящимся обыкновенно враждебно другъ къ другу.

Не въ правѣ ли Теософическое общество претендовать на извѣстное мѣсто въ великомъ соединеніи религій; теософія уже побѣдила всѣ преграды расъ, языковъ и догматовъ и сгруппировала

подъ однимъ общимъ закономъ братства десятки тысячъ людей съ самыми разнообразными мыслями и вѣрованіями. Она тоже много способствовала признанію новой великой мысли о постоянной эволюціи человѣка, и что нашъ міръ съ его существами тѣсно связанъ со всеобщей эволюціей. Теософія дополняетъ это великое ученіе, показывая, что нравственная эволюція совмѣстима и зависитъ отъ превращеній души, а они являются уже слѣдствіемъ индивидуальной эволюціи.

Но главная идея теософіи, которая бросаетъ яркій свѣтъ на вопросы нравственности,— это показать, что эволюція человѣчества управляется вѣчнымъ закономъ природы; это духовная сила, которая вызываетъ расцвѣтъ и произрастаніе всѣхъ зародышей человѣческихъ способностей и обезпечиваетъ путь эволюціи нравственности. Вѣдь нельзя допустить, чтобы зерно могло всходить и развиваться безъ особой энергіи или силы. У человѣка эта энергія совершенно иная, такъ какъ если бы она существовала и у животныхъ, она бы развила въ нихъ тѣ же психическія способности, потому что признано, что животное обладаетъ въ зародышѣ всѣми способностями человѣка, кромѣ духовности.

* * *

Невольно рождается вопросъ можетъ ли теософическое общество имѣть значеніе съ точекъ зрѣнія духовной и нравственной, когда по условіямъ статута, чтобы быть членомъ этого общества нѣтъ вопроса ни о нравственности, ни о вѣрѣ въ будущую жизнь и даже о вѣрѣ въ Бога.

Я постараюсь доказать доводами, взятыми изъ исторіи человѣчества, что обязательство раздѣлять принципы всеобщаго братства и стараться согласовать свою жизнь съ этимъ высокимъ идеаломъ и есть трансцендентальная стадія нравственности. Я приведу, для подкрѣпленія этого тезиса, нѣсколько мыслей очень уважаемаго автора сочиненій о мистицизмѣ Гебгарта, члена французской Академіи *).

Мнѣніе этого ученаго тѣмъ болѣе цѣнно, что оно основано на критическомъ изученіи съ чисто научной точки зрѣнія, совершенно безпристрастно, и что оно оправдываетъ нападки, направленныя суровымъ правовѣріемъ противъ главъ **) мистическихъ сектъ, которыя выдавали и клеймили съ необыкновеннымъ мужествомъ слабости, насиліе и честолюбіе Римской Церкви въ Средніе вѣка.

Когда христіанскій міръ прошелъ критическій періодъ, въ который Церковь увлеклась въ большія измѣненія въ ученіи Господа,

*) L'Italie mystique.

**) Петръ Даміенъ Вальдо, глава Вальденцевъ, Арнольдъ Брешіа, Іоахимъ де Флоръ, Жанъ де Пармъ и пр.

когда любовь къ наживѣ, къ необузданному пріобрѣтенію имуществъ, къ владѣнію землей и властью, жестокость къ низшимъ,—замѣнили добродѣтели, внушенныя Господомъ, когда преслѣдованіе чистаго и безкорыстнаго идеала было снято съ алтаря, и введена религія узкихъ обрядовъ, когда наконецъ наведеніемъ ужаса Церковь сломила воли и добилась послушанія обрядами и строгостью благочестія, тогда стали безпрестанно являться одно за другимъ начала религіознаго братства въ различныхъ видахъ въ мистическихъ сектахъ.

Между ними Гебгартъ отличаетъ *Вальденцевъ*, идеалъ которыхъ можетъ служить образцомъ для каждаго ядра братства. По словамъ Гебгарта, по признанію даже римскихъ инквизиторовъ, Вальденцы вернулись къ евангельскому братству: они протягивали руку бѣднякамъ, нищимъ, сиротамъ, узникамъ, сосланнымъ; они учреждали больницы, открывали безплатныя школы, поддерживали бѣдныхъ студентовъ въ Парижскомъ университетѣ и даже оказывали благодѣянія правовѣрнымъ своимъ гонителямъ. Христіанское равенство какъ будто было опять обрѣтено диссидентами. Въ правовѣрномъ религіозномъ мірѣ полагали, что фактъ преслѣдованія мистическихъ сектъ, какъ еретиковъ, оправдываетъ то презрѣніе, которое они къ нимъ питали.

Почему же учредитель одной изъ сектъ, Іоахимъ Флоръ представлялъ необыкновенное явленіе: на него одновременно смотрѣли какъ на еретика и почитали какъ блаженнаго. Оставимъ эти непонятныя и необъяснимыя противорѣчія.

Что доказываютъ эти постоянныя непоколебимыя попытки со стороны мистическихъ сектъ? Фактъ, что начала равенства братской любви постоянно вносились высоко одухотворенными людьми, доказываетъ, что принципы братства суть свѣтлыя вѣхи, направляющія человѣчество къ достиженію стадіи совершенства.

Чѣмъ болѣе человѣкъ приближается къ Христу, тѣмъ больше управляетъ имъ и возвышаетъ его надъ обыкновенной нравственностью чувство братства. „Нѣтъ закона для праведника". Эта много разъ высказанная истина означаетъ, что чувство братства выражается такимъ состраданіемъ, что оно заставляетъ праведника слѣдовать самымъ строгимъ законамъ наивысшей нравственности. Его состраданіе такъ обширно, такъ глубоко, что не можетъ быть понято обыкновеннымъ человѣкомъ, который основываетъ весь свой нравственный статутъ на уровнѣ своихъ собственныхъ пониманій и считаетъ его по своей наивной спеси согласнымъ съ божественнымъ идеаломъ.

Вмѣсто того, чтобы считать Бога исполнителемъ нашихъ рѣшеній, въ вопросахъ морали и религіи, мы бы сдѣлали гораздо лучше,

еслибы воспользовались уроками, данными намъ жизнью великихъ людей, ниспосланныхъ на землю для нашего просвѣщенія.

Жизнь наиболѣе излюбленнаго мистика Франциска Ассизскаго представляетъ высокій примѣръ самой превосходной нравственности. Этотъ святой, по словамъ Гебгарта, не заботится ни о собственномъ спасеніи, ни о развитіи духовности и аскетизма въ монастыряхъ; онъ аскетъ поневолѣ, потому что онъ совершенно забываетъ себя и побѣдилъ обыкновенный эгоизмъ; онъ умаляетъ себя, всегда радостенъ, и обладаетъ даромъ укрощать животныхъ. Я мимоходомъ замѣчу, что этотъ даръ доказываетъ могущество духовной энергіи: она способна, пройдя черезъ душу святого, ускорять развитіе способностей животнаго, особенно любви.

Этотъ великій мистикъ, не теологъ, не схоластикъ и нисколько не помышляетъ объ обращеніи еретиковъ, предаваясь въ этомъ отношеніи всецѣло милосердію Бога. Словомъ Францискъ Ассизскій возстановляетъ первоначальное христіанство, даетъ своему вѣку религіозную свободу не внѣшнимъ соблюденіемъ религіи, но могущественнымъ дуновеніемъ братства, выражающимся дѣйствіями великаго милосердія. А чистое безкорыстное милосердіе есть живое выраженіе чувства братства. Другой великій мистикъ Жанъ де ла Кроа указываетъ изображеніемъ подъема на Кармель, что милосердіемъ можно достичь вершины узкой тропы совершенства.

Не доказываютъ ли всѣ эти факты, соединенные съ мыслями, выраженными самыми почитаемыми святыми, что чувство братства есть кульминаціонный пунктъ духовности?

Путь къ спасенью черезъ внутреннюю жизнь самый краткій, но онъ долженъ пройти черезъ высокій утесъ чувства всеобщей любви, т. е. братства, прежде чѣмъ достичь до Единства.

Тотъ, кто относится по братски къ ближнимъ, не ради Бога, несравненно ближе къ Нему, чѣмъ тотъ, который исполняетъ обряды безъ милосердія; первый настолько близокъ, что рано или поздно онъ испытаетъ могущественное притяженіе божественной Любви. Если онъ отдается духовной жизни, то до какой высоты вѣчнаго блаженства достигнетъ онъ!

* *
*

Намъ кажется, что великіе Учителя мудрости, которые руководили эволюціей человѣчества подъ вліяніемъ божественнаго внушенія, представляли идеалъ болѣе свободнаго и всеобщаго братства, чѣмъ союзы, образованные каждой отдѣльной религіей. Идеалъ преобразился. Въ отдѣльныхъ началахъ религіознаго братства просвѣчиваетъ духовное ученіе, но заключенное въ узкія рамки монастырей, оно служитъ больше для развитія отдѣльныхъ личностей, чѣмъ для общаго раз-

витія. Кромѣ того есть начала братства, разсѣянныя по свѣту въ основаніи разныхъ религій, но антаганизмъ между ними служитъ главнымъ препятствіемъ для осуществленія божественнаго плана. Надо было бы ихъ соединить, изслѣдовать и тогда образовать одно общее начало братства безъ различія расъ, вѣры, пола, кастъ и національности. Это и есть основная цѣль современной Теософіи; ея появленіе вызвано насущной потребностью человѣчества, и она есть достойная продолжательница великаго дѣла мистиковъ.

Альбертъ Ревиль, наиболѣе извѣстный ученый въ вопросахъ религіозной науки *), говоритъ: „Современный святой не долженъ быть ни отшельникомъ, ни монахомъ, а освободителемъ, филантропомъ, великимъ и добрымъ гражданиномъ, который посвящаетъ себя благу другихъ. Теперь считается религіознымъ и согласнымъ духу христіанства посвящать себя наукѣ, искусству, поэзіи, политикѣ,— все зависитъ отъ духа, который вкладывается въ нихъ".

Теософія добавляетъ нѣчто, объясняющее почему это такъ. Духовная энергія выражается не только благочестивой жизнью, но и всѣми проявленіями красоты, правды, а больше всего чистой и безкорыстной братской любовью. Можетъ случиться, что ученый будетъ безнравственъ, благодаря своему эгоистическому честолюбію, что артистъ поддастся заблужденіямъ своего воображенія и поступитъ безнравственно, что альтруистъ, несмотря на свою преданность общему благу, имѣетъ свои недостатки, благодаря которымъ свѣтъ считаетъ его другимъ человѣкомъ, а между тѣмъ всѣ они могутъ скорѣе и могущественнѣе способствовать осуществленію божественнаго плана, чѣмъ другіе, жизнь которыхъ кажется нравственнѣе: одинъ научнымъ открытіемъ, другой произведеніемъ искусства— лучемъ красоты, а третій развитіемъ чувства братства. Если когда нибудь этотъ ученый, артистъ и альтруистъ освободятся отъ грязи, приставшей къ ихъ ногамъ, и сумѣютъ соединить свое драгоцѣнное знаніе съ духовной жизнью,—не вознесутся ли они на недосягаемую высоту для другихъ, которые были болѣе нравственны, но дѣла которыхъ были менѣе плодотворны. Не къ нимъ ли примѣнимы слова Евангелія: „Болѣе радости въ небесахъ объ одномъ кающемся грѣшникѣ, чѣмъ о девяносто девяти праведникахъ, неимѣющихъ нужды въ покаяніи". Значитъ ли это, что мы должны почитать нравственность меньше знанія и генія? Разумѣется, нѣтъ. Но совершенно справедливая мысль, что нравственность отдѣльной личности есть самый важный двигатель общественной эволюціи не должна заставлять насъ забывать, что чувство братства имѣетъ гораздо болѣе могущественное вліяніе, чѣмъ обыкновенная нравственность, и что

*) Histoire du dogme de la Divinité de J.-C. p. 186.

братская услуга, оказанная съ полнымъ самопожертвованіемъ, открываетъ намъ скрытыя сокровища духовнаго познанія.

Право защищаться отъ безнравственности неоспоримо, но мы не должны забывать, что чувство братства по отношенію къ нашимъ ближнимъ, какъ бы низко они ни пали, даетъ намъ самое ограниченное право защиты отъ нихъ. Непреклонность нужна только по отношенію самихъ себя. Христосъ никогда не отдѣлялъ кротости отъ справедливости. Снисхожденіе, полное благородства и терпѣнія, составляютъ лучшій цвѣтокъ христіанскаго букета.

Тотъ, кто дѣйствуетъ для уничтоженія антипатій, для сближенія кастъ, не взирая на общественное и религіозное положеніе, кто признаетъ обязанности милосердія изъ чувства братскаго доброжелательства, тотъ достигъ стадіи нравственности будущихъ поколѣній—трансцендентальной нравственности. Быть можетъ, онъ будетъ падать, потому что путь совершенства узокъ и усѣянъ пропастями, но если всеобщая любовь пробудилась въ его сердцѣ, онъ непремѣнно поднимется, и ему придутъ на помощь всѣ Совершенные, соединенные въ нѣдрахъ Бога, которые никогда не забываютъ услугъ, оказанныхъ священнымъ правамъ человѣчества.

Изображеніе пути совершенства извѣстно: входъ въ него узокъ и усѣянъ большими камнями, на которые спотыкается путникъ, затѣмъ дорога расширяется и камни попадаются рѣже. Это означаетъ, что стадіи посвященія постепенны, и что при вступленіи на этотъ путь, слѣдовательно на первой стадіи посвященія, труднѣе всего удержать равновѣсіе и здѣсь чаще всего бываютъ случаи паденія. Трансцендентальная нравственность ведетъ свое начало не съ сегодняшняго и не со вчерашняго дня; прошли многіе вѣка съ тѣхъ поръ какъ божественные Учителя учили ей. Она нераздѣльна, потому что принадлежитъ вѣчному Слову, которое Откровеніе дало міру.

Подобно солнцу, божественная любовь оживляетъ и согрѣваетъ грѣшника также какъ и святаго, убійцу также какъ и его жертву и предоставляетъ вѣчному Закону направлять на истинный путь въ свое время и въ свой часъ виновнаго.

Богъ и любовь составляютъ одно, и чѣмъ больше человѣческая любовь дѣлается всеобщей, тѣмъ она больше приближается къ божественной любви. Всеобщее братство есть точный законъ трансцендентальной нравственности. Признавать и слѣдовать этому закону значитъ отожествляться съ высшимъ Благомъ. Рѣдки тѣ, которые понимаютъ этотъ законъ, но еще рѣже тѣ, которые его примѣняютъ. Состраданіе, признанное божественными мірами, такъ высоко, что оно съ трудомъ находитъ отголосокъ въ человѣческомъ мірѣ.

* * *

Въ заключеніе я скажу, согласно съ ученіемъ Анни Безантъ, что не можетъ быть основана никакая система нравственности, если не соединить вмѣстѣ Откровеніе и интуицію какъ дополняющія одна другую, а не противныя между собой, и если не взять за основаніе не столько эволюцію душевной жизни, сколько неизмѣнные Законы, которые и составляютъ главное условіе эволюціи. Закономъ эволюціи человѣкъ узнаетъ, что только счастье другихъ можетъ составить счастье каждаго. Закономъ справедливости (Карма) онъ узнаетъ, что посѣянное имъ здѣсь на землѣ, онъ пожнетъ здѣсь же, и что если онъ будетъ дѣйствовать на пути Прекраснаго, Добраго и Истиннаго, то жатва его будетъ полна славы въ божественныхъ мірахъ. Закономъ перевоплощенія онъ учится отрекаться отъ эгоистическаго счастья, потому что чувсвуетъ себя нераздѣльно соединеннымъ съ прогрессомъ всего человѣчества; онъ основываетъ свои надежды, свое будущее, свои дѣйствія на общемъ счастіи, такъ какъ знаетъ, что и общее сооруженіе, для постройки котораго онъ теперь приноситъ камни, со временемъ, въ будущихъ поколѣніяхъ, будетъ его собственнымъ жилищемъ. Прямою и чистою жизнью онъ можетъ освободиться изъ цикла земныхъ существованій, но тогда онъ будетъ продолжать святое дѣло братства въ высшихъ мірахъ и сдѣлается благотворнымъ дѣятелемъ божественнаго Закона въ помощи людямъ—его братьямъ.

Видя безконечное количество времени, нужное, чтобы великіе принципы нравственности были поняты человѣчествомъ, можно ли измѣрять время по одной человѣческой совѣсти, чтобы пройти всѣ многочисленныя стадіи совершенствованія и ограничивать ее короткимъ земнымъ существованіемъ? Наконецъ духовнымъ закономъ человѣкъ узнаетъ, что высшее Благо живетъ не въ жизни чувствъ, не въ желаніяхъ, не въ умственной жизни, но что Оно покоится въ единствѣ всѣхъ существъ, въ единствѣ, въ которомъ каждый живетъ и дѣйствуетъ, потому что оно пребываетъ въ каждомъ изъ насъ и происходитъ отъ божественной и вѣчной жизни.

Ж. Л. Ревель.

Что такое Церковное обновленчество.

За послѣднее время Православной Церкви приходится считаться съ такъ называемымъ церковнымъ обновленчествомъ. Что же такое Церковное Обновленчество? Есть ли это серьезное явленіе въ жизни церкви, или просто праздная мечта дешеваго либерализма, какъ склонны думать многіе. Что церковное обновленчество заслуживаетъ серьезнаго отношенія къ себѣ со стороны Православной Церкви, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Мало того, это отношеніе не должно имѣть только отрицательный характеръ.

Церковное обновленіе или обновленчество въ извѣстныхъ предѣлахъ есть не только допустимое, но и вполнѣ законное явленіе. Не даромъ въ числѣ символовъ древне-христіанской церкви мы встрѣчаемъ птицу-фениксъ, вѣчно возраждающуюся изъ своего праха. Церковь есть постоянно измѣняющаяся въ земныхъ формахъ своего бытія но никогда не изсякающая по существу своему жизненная сила. Сила эта есть благодать, принесенная Христомъ на землю. Эта благодатная жизнь Церкви усваивается Ея членами чрезъ вѣру, которая есть *„поклоненіе Отцу Небесному духомъ и истиною"*.

Однако, для большинства такая высота подвига вѣры трудно достижима, и они избираютъ болѣе доступный для себя путь, а именно посредствомъ формы и обряда. Здѣсь, на этомъ пути вѣры, чисто идейныя, абсолютно нравственныя отношенія человѣческаго духа къ Богу подмѣняются отношеніями юридическаго выполненія требованій status quo для церковнаго строя жизни, который слагается, какъ изъ собственно церковно-обрядовыхъ и каноническихъ установленій, такъ изъ взаимоотношенія ихъ къ строго гражданской жизни. Само собою разумѣется, что такая форма церковной жизни *лишь допускается*—во вниманіе *къ малымъ симъ*—допускается, какъ посредствующая ступень къ дальнѣйшему религіозно-нравственному развитію до—мѣры достиженія идеала Богоуподобленія. Ясно отсюда, что никакія, даже самыя совершенныя внѣшнія формы религіозной жизни не могутъ почитаться за нѣчто неизмѣнное, непреходящее.

Вотъ почему всякій разъ, когда въ жизни Церкви образуется своего рода плотина, которая стремится внѣшней формой и обря-

домъ загородить свободное теченіе неизсякаемаго источника благодати и тѣмъ обратить *„рѣки воды живой“* въ затхлый и душный для живой души прудъ, незамѣтно и неожиданно плотина просачивается, и даетъ проходъ свободной, свѣжей водѣ, и никакія силы не въ состояніи задержать этой воды. Этимъ и объясняется въ существѣ дѣла то обстоятельство, почему самыя суровыя мѣры борьбы съ религіозными сектами не достигаютъ своей цѣли: большинство изъ этихъ сектъ это—тѣ же ручейки свободной церковной жизни, которые приняли кривое русло,—извращенное направленіе, только потому, что они, насильственно прорвавши плотину, не имѣли правильнаго руководства въ своемъ теченіи... Но даже и при такихъ условіяхъ они имѣютъ значеніе для жизни церкви: достаточно, если плотина прорвалась и дала доступъ свободному теченію тамъ, гдѣ возможенъ былъ застой и омертвеніе. Мы постараемся, однако, отмѣтить такія явленія въ жизни Церкви, когда она сама становилась въ положеніе свободно-текущаго ручья жизни противъ заграждающихъ ему путь внѣшне-обрядовыхъ наслоеній и „человѣческихъ преданій“, которыя создавала немощная религіозная человѣческая совѣсть... Здѣсь, конечно, рѣка благодатной жизни Церкви, освободившись отъ стѣсненій, имѣла возможность устоять на правильномъ пути.

Уже въ вѣкъ Апостольскій мы видимъ, какъ іудействующіе христіане хотѣли заковать жизнь первой христіанской общины въ узкія рамки мелочныхъ правилъ, предписаній, обрядовъ и преданій фарисейскаго законничества, настаивая на необходимости для всѣхъ христіанъ исполненія обрядоваго закона Моисея. И *Церковь* на Іерусалимскомъ соборѣ *не усумнилась* авторитетно-традиціоннымъ формамъ церковной жизни іудейства *противопоставить новый духъ свободнаго ученія* Христа, ибо Она знала, что въ противномъ случаѣ Христіанству предстояла опасность обратиться въ іудействующую секту... Въ этомъ историческомъ обстоятельствѣ жизни Церкви должно усматривать не иное что, какъ одну изъ формъ церковнаго обновленія.

То же самое представляетъ изъ себя и событіе раздѣленія церквей... Пасеніе овецъ словеснаго Христова стада авторитетомъ внѣшней власти оказалось очень заманчивымъ,—болѣе заманчивымъ, чѣмъ пасеніе добрымъ примѣромъ. И если одна половина церкви—паства міряне—хотѣла стѣснить свободное теченіе Церковной жизни внѣшней формой и обрядомъ,—то другая половина Ея—іерархія хотѣла положить оковы авторитетомъ внѣшней своей власти. Дѣло не замедлило здѣсь зайти такъ далеко, что возникло стремленіе замѣнить живой христіанскій принципъ любви принципомъ безусловнаго, слѣпого повиновенія quasi-непогрѣшимому авторитету Римскаго Первосвященника. Если-бы это случилось, то вмѣсто

Христіанства,—міровой религіи, мы имѣли бы дѣло съ узко-кастовой доктриной, оправдывающей только честолюбивыя притязанія іерархіи. Но этого не случилось и не могло случиться. Церковь предпочла консервативному началу папскаго авторитета протестъ во имя свободнаго развитія жизни Церкви въ духѣ Христова братства и любви. Таковъ, безъ сомнѣнія, идейный смыслъ, скрывающійся за многосложностію историческихъ событій времени раздѣленія Церквей.

Если мы, далѣе, обратимся къ исторіи Церкви русской, то увидимъ тоже самое. Русскіе книжники XVII в., гордившіеся православіемъ и въ то же время рѣшительно его не понимавшіе, хотѣли свести всю его сущность къ одному точному до единой іоты (буква *і* въ имени Іисусъ) выполненію требованій и правилъ церковно богослужебныхъ книгъ. И Церковь опять въ глубинѣ своей неисчерпаемой сокровищницы жизни нашла силы для обновленія омертвѣвающей идеи православія, вступивъ на путь свободнаго отношенія къ обряду при неизмѣнности самой сущности его православія, хотя этотъ шагъ и сопровождался печальными послѣдствіями раскола.

Такъ всегда было и будетъ, что идеальная сторона жизни церкви по временамъ вынуждается преодолѣвать преграду, которую ей ставитъ на пути немощная религіозная совѣсть въ видѣ непререкаемости внѣшней формы и обряда, и причина такого явленія лежитъ гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ: она скрывается въ самой природѣ человѣка, куда грѣхъ внесъ постоянный разладъ.

Грѣхъ удалилъ человѣка отъ Бога. Богъ сталъ представляться ему далекимъ, грознымъ и гнѣвнымъ Существомъ. Чтобы приблизиться къ Нему, человѣкъ старается угодить Ему и готовъ на всякую жертву, лишь бы заслужить Его милость. Такъ возникаютъ *религіозно-нравственныя обязанности человѣка съ характеромъ и значеніемъ жертвы*. На высшей ступени—идеальной—религіозныя обязанности съ указаннымъ характеромъ являются выраженіемъ высшаго, совершеннѣйшаго религіознаго самосознанія: человѣкъ жертвуетъ всѣмъ для Бога, отказывается отъ всего во имя своего религіозно-нравственнаго усовершенствованія до идеала богоподобія. Но на такой религіозный подвигъ способны немногіе; о нихъ говорилъ Христосъ: *„могій вмѣстити, да вмѣститъ.“* Но *„не вси вмѣщаютъ“*... Большинство, удерживая за своими религіозными обязанностями характеръ и значеніе жертвы, *жертвуютъ для Бога не всѣмъ, а лишь исполненіемъ, часто только внѣшнимъ, религіозно-обрядовыхъ установленій и правилъ,* каковыя въ большинствѣ случаевъ есть просто *„человѣческія преданія“*.

Жертву для Бога такіе люди помимо исполненія обрядовъ

своей вѣры хотятъ найти въ гоненіи и искорененіи вѣры другихъ, несогласныхъ съ ними. Такая религіозность есть самый низшій разрядъ ея: здѣсь возможны нелѣпыя суевѣрія, изувѣрство и фанатизмъ. Эту то религіозность и обличалъ Спаситель, говоря не разъ: *„милости Богъ хочетъ, а не жертвы"*.

Въ противоположность указанной—религіозность другого рода исходитъ изъ новозавѣтнаго, христіанскаго понятія о Богѣ, какъ Любящемъ Отцѣ. Эта религіозность оставляетъ за религіозно-нравственными обязанностями характеръ и значеніе жертвы, но только въ высшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ, какъ отданіе всего себя Богу по безграничной сыновней любви къ Нему, подобно міровой жертвѣ Христа. Но сознавая, что такая жертва возможна и въ дѣйствительности бываетъ со стороны избранниковъ духа *„могущихъ вмѣстить,"* люди указанной религіозности хотятъ, что-бы и *не могущіе вмѣстить,* простые смертные имѣли здоровую вѣру, что бы они, живя въ мірѣ и для себя, располагали бы, однако, такъ свою жизнь и земную дѣятельность, что бы она была обнаруженіемъ столько же любви къ себѣ, сколько—любви къ Богу... Здѣсь, конечно, человѣкъ не всѣмъ жертвуетъ для Бога, но то, что онъ жертвуетъ, есть дѣйствительная жертва, дѣйствительная цѣнность,—жертва дѣла, а не внѣшняго, формальнаго выполненія разныхъ обрядовыхъ установленій, къ чему сводится обычная религіозность большинства, какъ мы говорили выше. Идеалъ всегда останется идеаломъ, но возможны различныя ступени приближенія къ нему. *„Могій вмѣстити, да вмѣститъ"*.

Если послѣ всего сказаннаго мы обратимъ вниманіе на современное обновленческое движеніе, то за вычетомъ нѣкоторыхъ наслоеній поверхностнаго либерализма, мы можемъ отмѣтить въ немъ и серьезную идею. Мысли церковно-обновленцевъ въ существѣ своемъ сводятся къ слѣдующему: говорятъ, что господствующая церковь проповѣдуетъ *исключительно* аскетическій идеалъ жизни, который по своей малодоступности остается безъ вліянія на обычную жизнь большинства; вслѣдствіе этого вся религіозность простыхъ смертныхъ исчерпывается исполненіемъ однѣхъ церковно-обрядовыхъ повинностей.

Даже и церковныя таинства обратились въ такого же рода повинности, вмѣсто того, чтобы служить живой потребности души... Пастырство стало чиновничествомъ, слѣдящимъ за исполненіемъ церковно-обрядовыхъ повинностей... Вся жизнь... церкви-живого Тѣла Христа свелась къ канцелярскому дѣлопроизводству.

Пріобщить большинство къ религіознымъ идеаламъ жизни, сдѣлать жизнь людей религіозной съ ея обычными интересами и дѣлами, приблизить пастырство къ живой душѣ пасомыхъ, сдѣлать его вліятельнымъ въ обычной общественной жизни, сдѣлать благо-

датную жизнь церкви *„закваской“* жизни соціальной и тѣмъ содѣйствовать наступленію Царствія Божія среди—людей, такова въ существенномъ идея современнаго церковнаго обновленчества въ его лучшихъ представителяхъ. И въ такомъ видѣ обновленчество не можетъ быть врагомъ церкви и, безъ сомнѣнія, при современныхъ условіяхъ жизни церкви могло бы принести существенную пользу.

Но тутъ ставятъ возраженіе: обновленчество слишкомъ оземленяетъ религію, пріобщая ее къ земнымъ интересамъ. Обновленцы проповѣдуютъ о Царствѣ Божіемъ здѣсь на землѣ и забываютъ о Царствіи Небесномъ. Однако о такихъ обновленцахъ у насъ рѣчи нѣтъ. Да кромѣ того, если нѣкоторые изъ обновленцевъ слишкомъ подчеркиваютъ идею Царствія Божія на землѣ, то этимъ они предохраняютъ насъ отъ другой крайности—обычно ужъ слишкомъ разграничиваютъ небо отъ земли, духъ отъ матеріи, Бога отъ человѣка. Между тѣмъ не даромъ Сынъ Божій сходилъ и жилъ на землѣ... Царство Божіе нельзя сосредоточивать только на небѣ. Оно, по слову Спасителя, не приходитъ замѣтнымъ образомъ... Начинаясь „внутри насъ“, оно организуется здѣсь на землѣ и получаетъ завершеніе на небѣ. Истинный христіанинъ живетъ въ Царствіи Божіи уже здѣсь на землѣ. Соотвѣтственно съ этимъ наступленіе будущаго небеснаго царствія не будетъ чѣмъ либо внезапнымъ... Оно совершится въ условіяхъ той же „земли“ и того же неба, только обновленныхъ. (2 Петр. III гл. 13.ст.). И человѣкъ будетъ жить въ царствіи не духомъ только, но и тѣломъ. Значитъ элементы Царствія Божія здѣсь на землѣ войдутъ составною частью въ Царствіе Небесное. Христіанство отнюдь не проповѣдуетъ, что міръ самъ по себѣ есть зло. Оно не проповѣдуетъ буддійской Нирваны *), какъ отреченія отъ добра и зла въ мірѣ, а учитъ объ утвержденіи человѣка въ добрѣ въ условіяхъ земной жизни, дабы она была приготовленіемъ для будущей. Въ этомъ отличіе Православія отъ мистическаго Востока и вмѣстѣ связь съ практическимъ Западомъ—въ этомъ его міровое значеніе. Вотъ почему какъ въ Евангеліи, такъ и въ посланіяхъ Апостольскихъ говорится о Царствіи Божіи безразлично какъ уже о наступившемъ, такъ и имѣющемъ еще наступить.

Съ этой точки зрѣнія обвинять обновленцевъ въ противоцерковности едва ли возможно; церковность можетъ быть понимаема, съ одной стороны, какъ благодатная жизнь упованіемъ на небѣ, съ другой—какъ водвореніе благодатныхъ началъ любви христіанской здѣсь на землѣ. Между тѣмъ послѣднее пониманіе у насъ часто не признается. Пастырь, напр., выступившій, хотя нѣсколько

---

*) Авторъ говоритъ здѣсь о Нирванѣ позднѣйшаго буддизма, затерявшаго истинный смыслъ этого слова. Пр. ред.

изъ сферы однѣхъ церковно-богослужебныхъ обязанностей, непремѣнно заподазривается въ отсутствіи пастырскаго духа. Характеренъ въ данномъ случаѣ разсказъ Потапенко: „Исполнительный Органъ", гдѣ разсказывается о томъ, какъ одинъ изъ членовъ причта, помимо своихъ обычныхъ обязанностей чтенія и пѣнія на клиросѣ, рѣшилъ организовать общественную помощь голодающимъ... Большинство его знакомыхъ, не зная, чѣмъ объяснить его такое необычное поведеніе просто на просто рѣшили, что онъ не въ своемъ умѣ. Вотъ до какой церковной узости можно дойти. И *отъ нея то можетъ и суждено исторіей предохранить обновленчеству православіе.*

Во всякомъ случаѣ мы не должны игнорировать обновленческаго движенія, что-бы не пропустить какого-либо важнаго момента, что неоднократно случалось въ исторіи религіозной мысли. Іудеи, напр., ослѣпшіе въ своемъ обрядовомъ законничествѣ, проглядѣли міровое событіе—пришествіе Сына Божія на землю, безъ чего вся ихъ религія, имѣвшая преобразовательное и пророческое значеніе, потеряла свой смыслъ. Далѣе, Церковь римско-католическая за авторитетомъ церковной іерархіи и обряда просмотрѣла свободное развитіе церковной жизни. Церковь Протестантская, увлекшись свободой, упустила изъ вниманія важное значеніе авторитета іерархіи и обрядовой стороны Церкви и т. д.

Православію можетъ быть только теперь суждено выступить на жизненную арену. Посему и важно, что бы оно ничего не забыло и все приняло во вниманіе... Съ этой точки зрѣнія необходимо, чтобы на предстоящемъ Всероссійскомъ соборѣ было достаточное количество лицъ, какъ облеченныхъ авторитетомъ церковной традиціи, такъ и лицъ исполненныхъ благихъ пожеланій здороваго Церковнаго обновленія по духу свободы Христовой.

Идеалистъ.

Взглядъ теософа на положеніе Россіи.

Предразсвѣтный мракъ еще не кончился. Тѣ, которые взобрались на горы, чувствуютъ отблески надвигающейся зари. Ихъ чувства передаются народу, и народъ хочетъ проснуться. Народъ потягивается во снѣ, но еще не можетъ различить призраковъ отъ дѣйствительности. Когда Святополкъ-Мирскій, бросилъ народу три вѣщіе магическіе лозунга: „довѣріе, свѣжій воздухъ, весна“,— живительная волна дѣйствительно прокатилась по соннымъ полямъ и лѣсамъ Россіи. Но кошмарные призраки тоже выползли изъ болотъ и трясинъ, грозя ужасами вражды и разрушенія. Казалось, что густыя и тяжелыя испаренія превратятъ наступающее утро въ бурю. Пробуждающіяся сердца то трепетали отъ надежды, то замирали отъ сомнѣнія и страха. Пробужденіе было лихорадочное потому что тысячелѣтняя ночь была очень тяжела. Тамъ, гдѣ то вдали, иго татарское, послѣ грозные цари, неурядицы, закрѣпощеніе народа,—пугачевщина, страданіе внизу и обособленность вверху. Было бы смѣшно думать, что Карма,—этотъ универсальный законъ причины и слѣдствія въ моральной сферѣ забудетъ подсчитать хотя бы одну іоту или титлу.

Развѣ эта ночь не отвѣтила на обособленность бояръ,—отрѣзавъ отъ нихъ крестьянъ и превративши этихъ простыхъ и свѣтлыхъ славянъ какъ бы въ отдѣльную расу людей, по виду и по мысли, мрачную и недовѣрчивую? Велика душа этой расы, если она до сихъ поръ сохраняла терпѣніе. Вѣдь она тоже могла бы подумать, что скорѣе не народъ, а его руководители превратились въ особую завоевательную „расу“, создавшую себѣ рабовъ.

Эта ночь погасила своими злоупотребленіями свѣтъ Христіанской Истины, оставивши въ умахъ людей одни обряды и ученіе, имѣющее своимъ мотивомъ только личное спасеніе, вмѣсто яркой любви Сердца и ученія, имѣющаго своею цѣлью просвѣтленіе и благо ближнихъ? Самое главное зерно ученія Христа—Любовь—было забыто, и все остальное замѣнить его никогда не могло. И нельзя было удивляться, что люди отвергали шелуху, не чувствуя въ ней ядра.

Эта ночь принесла своей послѣдней волной съ Запада науку

и внѣшній лоскъ цивилизаціи,—и что же,—орудіе, которое бы послужило на пользу при дневномъ свѣтѣ братства,—превратилось ночью въ одно отрицаніе,—и воздвигло на алтарѣ почитанія новую троицу: матерію, силу и феноменъ. Эта троица была бы въ дневномъ свѣтѣ не только безвредна, но отражала бы и воплощала огонь искры божьей, обитающей въ сердцѣ человѣка и вѣчную красоту Невѣдомаго Духа,—а ночью она сдѣлалась только символомъ атомной пыли, животной страсти и уничтоженія, то есть настоящимъ демономъ изъ созданнаго самимъ же человѣкомъ ада, хуже котораго трудно придумать. Наивно было бы удивляться, что при такомъ міровоззрѣніи общество превратилось въ человѣческую пыль, по мѣткому выраженію Витте,—и каждая пылинка трепетала въ ужасѣ передъ неопредѣленностью своего положенія въ обществѣ, не чувствуя съ нимъ никакой связи; второе лицо этой адской троицы развивало до невѣроятія человѣческіе аппетиты,—такъ что при желаніи много получать, а мало давать, довольство и комфортъ души были изгнаны изъ жизни. А третье лицо отняло у этихъ мрачно-просвѣщенныхъ людей послѣднюю надежду и бросило ихъ на путь самоубійства физическаго и нравственнаго. Вотъ какой ящикъ Пандоры скрывался въ этомъ послѣднемъ подаркѣ ночи. Еще не исполнились мистическія мечтанія Майкова и Хомякова, что Славяне скажутъ свое новое слово. И въ родственной Польшѣ еще не видно духовной зари, предвидѣнной вѣщими поэтами Мицкевичемъ, Словацкимъ и Красинскимъ. Ибо утро еще не настало.

Откуда было подсказано князю Святополкъ-Мирскому новое слово, сверху ли это было или снизу, авторъ не знаетъ, но догадывается, что только съ эфирныхъ высотъ могло прилетѣть это чудное слово „довѣріе", къ сожалѣнію пробудившее столько кошмаровъ. Теперь Русское общество остановилось и думаетъ. Хорошо что думаетъ Русское Сердце и отгоняетъ кошмары. Нѣтъ, не устала Россія, а еще думаетъ надъ этимъ словомъ „довѣріе", ахъ! прежде всего довѣріе къ своимъ гигантскимъ собственнымъ силамъ. Думай же, думай, Русское Сердце,—и мысль твоя создастъ давно желанныхъ богатырей дѣла и слова. Какъ Минерва возникла изъ головы Зевеса, такъ и богатыри рождаются изъ мысли народа. Тысячелѣтняя ночь на исходѣ,—но грузъ ея страшныхъ подарковъ давитъ еще нашу мысль и чувство. И они будутъ живы, пока ихъ кормимъ собственной мыслью и словомъ. Праведный Бога Законъ, онъ же законъ и природы, требуетъ, чтобы создавшіе зло сами съ нимъ же сражались и опять его истребляли.

Думай же, думай Русское Сердце; ты не избѣгнешь труда, уйти ты не можешь съ поля сраженій,—врагъ твой тобою созданъ, тобою же быть долженъ разрушенъ. День испытаній насталъ для

тебя, и горькую чашу придется тебѣ осушить до капли послѣдней. Одно ты оставлено въ полѣ сраженія. Но страха ты не страшись, „довѣріе" чувствуй къ Закону Вселенной. Каждая рана, боль и слеза, въ тебѣ превратятся въ лучъ свѣтозарный и поле тебѣ очистятъ кругомъ. Тамъ ты крѣпость воздвигнешь трудами своими, слабымъ дашь мѣсто пристанища, уплатишь долгъ вѣковой до послѣдней полушки, и только тогда скажетъ Законъ: „довольно".

Свѣтъ свой зажги во тьмѣ, Русское Сердце, и врага отыщи. Врагъ твой въ тебѣ; онъ сотканъ изъ ночи покрова,—призракъ туманный и страшный. Рѣя на крыльяхъ сомнѣнья, онъ недовѣріе вселяетъ въ тебѣ къ людямъ, братьямъ твоимъ, и онъ оскорбляетъ святыню твою. Но гдѣ это видано, чтобы Любовь и Самоотреченье совсѣмъ уже не находили отвѣта? Путь любви и путь жестокости вмѣстѣ сойтись не могутъ никогда. Путь любви короной вѣнчаетъ послѣ великихъ трудовъ и страданій, путь же жестокости быстро въ кровавую бездну сметаетъ въ вихрѣ страха и тьмы.

Кто самъ людей ненавидитъ, всѣхъ за враговъ почитаетъ. Вотъ кошмаръ и иллюзія ночи. Но вспомни Русское Сердце, что даже ночью во снѣ въ тебѣ трепетала Славянская Искра Добра и Радушья. Вспомни свѣтлые сны, вспомни помощь братьямъ Славянамъ, гостепріимство древнее вспомни свое. Луга твои еще ароматны, таинственны лѣса, воды твои лазурны и небеса необъятны въ синей дали.—Пѣсни твои еще не умолкли, и въ тихой печали, будто эхо, эхо глубинъ твоихъ, зоветъ далекая радость.

Всю пряжу добра въ нитку святую свяжи отъ дѣтскаго вѣка сказокъ твоихъ до настоящей минуты. А пряжу зла ты отбрось. Тогда едино будетъ счастье твое, народъ твой будетъ единъ, и нить святая въ путь превратится, что выведетъ тебя изъ сумрака ночи въ день свѣтозарный.

Зоріанъ.

Теософическое движеніе и его противники.

Что такое Теософическое движеніе? Какая его цѣль? Когда оно началось? Что ему удалось осуществить въ жизни? Вотъ вопросы, которые представляются каждому, желающему выразить свое сужденіе о Теософическомъ движеніи и поддерживающемъ его Теософическомъ Обществѣ.

Вообще говоря, мы можемъ отвѣтить лишь отрицательно на эти вопросы, ибо Теософическое движеніе по самой своей природѣ не имѣетъ дѣла съ личностями—оно духовной природы, а духовность безлична.

Итакъ что же такое это Движеніе? Въ чемъ его сущность и значеніе? И что такое Теософія?

Совершенно ясное и простое опредѣленіе Теософіи какъ первобытной мудрости, что сущность человѣка божественна, что онъ способенъ къ божественному развитію, что долгъ каждаго стремиться къ этому развитію и осуществлять его для себя. Этотъ основной принципъ придаетъ Теософическому движенію значеніе опоры для духовной жизни настоящей и будущей.

Но какое его происхожденіе въ настоящее время? Здѣсь какъ и всюду надо различать понятіе „причина“ отъ поводовъ, мотивовъ и средствъ къ ея достиженію. Причина явленія есть количество энергіи, переходящей изъ одной формы въ другую, чтобы вызвать его. Первоначальная форма есть причина, а послѣдующая форма—результатъ ея. Какъ поводъ къ событію мы видимъ только обстоятельства, при которыхъ оно произошло, а какъ средства тѣ силы, посредствомъ которыхъ произошло превращеніе энергіи. Напримѣръ, причина вращенія мельничнаго колеса есть высокій уровень воды въ мельничномъ ставѣ; инструментъ есть колесо, а поводъ къ его вращенію—открытіе шлюза, который позволяетъ водѣ достичь колеса.

Такимъ образомъ мы можемъ, выражаясь метафорически, сказать, что причина Теософическаго движенія есть то высокое состояніе уровня, въ какомъ въ настоящее время находится духовный міръ. Духовныя силы поддерживались на высокомъ уровнѣ плотиною, воздвигнутою матеріализмомъ.

Эта плотина была совершенно необходима для прогресса человѣчества. Единственно, благодаря развитію матеріализма, наше знаніе законовъ природы такое, какое мы находимъ теперь, и этой односторонности и подавленію духовнаго развитія мы обязаны методамъ критическаго изслѣдованія, критическаго наблюденія и опыта, безъ

чего не могло бы быть и рѣчи о научномъ познаніи. Постоянно впадая въ некритическія мечтанія, какъ это было въ Германіи въ началѣ прошлаго столѣтія, духовная культура вызываетъ къ жизни критическій духъ. И этотъ критицизмъ снова развился, начиная съ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, благодаря матеріализму.

Но запруживаніе плотиною потока не есть сама цѣль, но лишь средство къ ея достиженію, какъ и сооруженіе мельничнаго колеса критическаго метода. Конечная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы перемолоть зерно. Положительное увеличеніе запаса знанія и науки, дѣйствительное расширеніе духовнаго горизонта, углубленіе разума и возвышеніе цѣли-таковы естественныя и неизбѣжныя дѣйствія духовныхъ силъ.

Движеніе, распространившееся изъ Америки, какъ что то новое подъ названіемъ „спиритуализма", а во Франціи подъ тѣмъ же названіемъ, какъ и „спиритизмъ"—явилось новостью только для нашихъ „образованныхъ классовъ", въ то время находившихся въ цѣпяхъ застывшаго матеріализма. Для простого народа факты, лежащіе въ основаніи движенія, какъ тогда такъ и теперь были совершенно понятны, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, кто были захвачены всенивеллирующей культурою. Боясь грубаго терроризма такъ называемаго критицизма—а на самомъ дѣлѣ наиболѣе некритическаго легкомыслія, простой человѣкъ научился отрицать свое интуивное знаніе.

Безпорядокъ былъ вызванъ еще сильнѣе американскимъ и французскимъ движеніемъ, ибо едва ли когда суевѣріе любого народа приводило къ такому глубокому отсутствію критицизма, какое наблюдалось у образованныхъ классовъ, ставшихъ подъ знамена спиритуализма и спиритизма.

Съ другой стороны люди науки, профессіональные психологи, философы и ученые, профессіональные критики и любители все еще до сихъ поръ усиливаются понизить высокій уровень духовнаго міра. Для этой цѣли они пускаютъ въ ходъ насмѣшки, негодованіе, презрѣніе. Даже основаніе научнаго „Общества для психическихъ изслѣдованій" не было достаточно для поднятія затворовъ шлюза, уничтоженія предразсудковъ научнаго критицизма и открытія пути духовному потоку.

Но часто бываетъ, что гдѣ особенно сильно чувствуется нужда, тамъ ближе всего и помощь. Сверхфизическіе опыты потому не оказались пригодными, для направленія духовнаго потока на вращеніе мельничнаго колеса науки и общественной жизни, что были односторонни.

Когда духовная жизнь принуждена идти по новому направленію, вполнѣ справедливо, что при этомъ происходитъ обновленіе

во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ направленіяхъ. Эта новая жизнь должна удовлетворять какъ теоретическимъ такъ и практическимъ потребностямъ, она должна отвѣчать на запросы какъ религіи, такъ и науки. И она должна оправдаться передъ научными изслѣдованіями, давая возможность каждому ученому привести свои опыты въ систематическій научный порядокъ.

Основная идея Теософіи выполняетъ въ настоящее время эти требованія. Теософическое движеніе намѣревается поднять религіозную жизнь, укрѣпляя и поддерживая тенденціи, лежащія въ корнѣ всякой религіи. Она стремится ввести въ область своей собственной организаціи все то, что хорошо и истинно въ формальныхъ религіяхъ міра.

И тогда религіозныя цѣнности перестаютъ казаться какъ бы отдѣльными монетами. То, что обще всѣмъ религіямъ, должно объединить все человѣчество въ его усиліяхъ достигнуть идеала, а эта идея единства вытекаетъ изъ ученія, что „я“ человѣка— божественной природы, что ему слѣдуетъ развить свое „я“ до полнаго божественнаго совершенства, и что всякій человѣкъ рано или поздно можетъ достигнуть этого совершенства.

Такимъ образомъ Теософическое движеніе вызываетъ и оживляетъ всѣ стремленія людей къ развитію и освобожденію. Его цѣль тройная: въ древнемъ ведійскомъ, греческомъ и еврейскомъ евдемонизмѣ освобожденіе отъ горестей жизни искалось лишь здѣсь на землѣ; Откровеніе Христіанъ и Коранъ обѣщаютъ освобожденіе въ будущей жизни на небесахъ; Буддизмъ не удовлетворяется ничѣмъ, кромѣ полнаго освобожденія отъ всякаго микрокосмическаго отдѣльнаго существованія погруженіемъ въ (макрокосмическую Нирвану) Единую Жизнь. Теософія обнимаетъ всѣ эти три взгляда, что даетъ ей возможность признать какъ состояніе блаженства въ загробной жизни, такъ и то блаженство, которое должно наступить для всего человѣчества и въ земной жизни. И въ то же время Теософія указываетъ, что эта цѣль будетъ осуществляться по мѣрѣ того, какъ индивидуальное сознаніе (микрокосмическое) уступитъ мѣсто макрокосмическому сознанію Мірового „Я“.

Для этого стремленія къ развитію необходимо первоначальное понятіе объ индивидуальномъ перевоплощеніи (palingenesis) въ земной жизни и о продолженіи личности въ условіи *жизни загробной* до времени ея возвращенія къ земной жизни. Это подкрѣпляется опытомъ, что даже на этомъ свѣтѣ можно убѣдиться въ сверхфизическомъ духовномъ фактѣ. Можно привести доказательства, что существуютъ высшія состоянія сознанія, чѣмъ наше обычное бодрствованіе и сонъ; что есть иные міры надъ нами, кромѣ физическаго, что мы обладаемъ внутреннею индивидуальностью, ко-

торая гораздо болѣе постоянна, чѣмъ астральная и ментальная личность, а это и составляетъ все то, что входитъ въ нашу земную жизнь. Но этотъ опытъ только тогда можетъ стать полезенъ для человѣчества, когда онъ постоянно касается умственной жизни научнаго міра. Однако нѣтъ необходимости, чтобы именно тѣ, кто направляетъ теперь или будетъ направлять впослѣдствіи научную культуру, заботились о ея углубленіи и спиритуализаціи. Настоящіе лидеры могутъ остаться позади, а тѣ, сила которыхъ еще не развернулась, могутъ выступить впередъ. Но въ настоящее время необходимый духовный прогрессъ даже не мыслимъ безъ обмѣна мыслями съ научнымъ міромъ. Такой обмѣнъ мыслями даетъ нужныя указанія на тѣ препятствія, которыя стоятъ на пути прогресса. Заблужденія бываютъ не только матеріалистическія: психологія и методъ науки питаютъ препятствія, особенно мѣшающія въ настоящій моментъ. Наша главная задача перешагнуть эти препятствія, и когда русло будетъ проложено, то потокъ духовности самъ по нему направится.

Новое знаніе и опытъ могутъ только оплодотворить духовную жизнь настоящаго времени, гдѣ она разсматривается какъ предметъ теоретической науки столь же серіозно, какъ практической религіи и этики. Вотъ призваніе Теософическаго движенія, и этимъ путемъ оно будетъ способно постепенно устранить препятствія, въ видѣ заблужден предразсудковъ, такъ что потокъ спиритуализма можетъ хлынуть въ нашъ научный міръ и привести его мельничное колесо въ движеніе.

Только въ 1875 году первыя проявленія этой цѣли теософическаго движенія стали замѣтны. Начало движенія, правда, было очень слабо, и его значеніе и важность остались непризнаны. Въ то время господствовалъ какъ практическій, такъ и теоретическій матеріализмъ. Потребовалась настоящая буря новыхъ взглядовъ въ области науки, прежде чѣмъ она могла, не оставляя своего правильнаго положенія недовѣрія и колебанія передъ всякимъ новшествомъ, одобрить потокъ идеализма. Развитіе теоретическихъ и практическихъ знаній въ области физики, біологіи, психологіи и философіи должно было измѣнить положеніе науки. Въ особенности понятіе объ „энергіи“ вдохнуло новую жизнь въ науку физики. Молодые отпрыски, на которые возлагается столько надеждъ лѣтомъ и осенью, начали выходить изъ подъ снѣга при дыханіи весенняго воздуха. Посѣвъ всегда отличается отъ жатвы. Такимъ неожиданнымъ посѣвомъ духовныхъ сѣмянъ было основаніе и развитіе Теософическаго Общества. Какое же значеніе, намѣреніе и цѣль этого Общества? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что Общество полагаетъ три цѣли. Первая изъ нихъ есть *Братство*. Это слово должно понимать такъ, что для всѣхъ членовъ общества на первомъ мѣстѣ

стоитъ убѣжденіе въ единствѣ сущности всѣхъ людей и что все существующее должно быть живымъ и дѣятельнымъ. Конечно степени развитія различаются: многіе изъ братьевъ молоды. Самые молодые и незрѣлые особенно нуждаются въ помощи, тогда какъ зрѣлость и высокое развитіе именно и показываются въ количествѣ помощи, оказываемой ближнимъ, т. е. степенью въ какой человѣкъ имѣетъ намѣреніе и силу помогать. Главная цѣль Общества образовать и развить въ своихъ членахъ этическую совѣсть, „я" которыхъ чувствовало себя не какъ индивидуальное, а какъ „я" человѣчества, и коихъ сущность была бы не эгоизмъ, а симпатія. Это состояніе сознанія называется теософами „будди", а Будда есть тотъ, въ комъ это сознаніе вполнѣ развитѣ. Въ немъ вступленіе въ *космическое* самосознаніе, Нирвану въ Единой Жизни. Вступительные шаги къ ней есть все растущее чувство солидарности и всеохватывающей общественной жизни.

Вторая цѣль Общества состоитъ въ распространеніи *теоретическаго признанія* существеннаго единства всѣхъ существъ. Это признаніе даетъ ключъ къ сущности всѣхъ религій и общему основанію всѣхъ наукъ, и на этой истинѣ можно согласовать религію съ наукой. Это есть цѣль высокаго умственнаго развитія. Поэтому Общество не связываетъ себя никакими религіозными и научными догматами. Для членовъ не обязателенъ ни одинъ догматъ, и они могутъ не признавать того, что противорѣчитъ ихъ разуму и совѣсти.

Руководители Общества не являются жрецами, твердо держащимися опредѣленныхъ традицій и вѣрованій, но ихъ можно скорѣе разсматривать какъ пророковъ, т. е. людей, предпочитающихъ предлагать всѣ свои изслѣдованія и результаты мышленія на сознательное обсужденіе всякаго зрѣлаго и свободнаго человѣка. Лишь твердо придерживаясь своего принципа полной свободы отъ догматизма Общество находитъ оправданіе въ своемъ существованіи.

Третья цѣль Общества состоитъ въ изслѣдованіи еще не раскрытыхъ духовныхъ силъ въ природѣ человѣка. Здѣсь вопросъ идетъ о способности объективнаго воспріятія и дѣйствія во внутреннемъ состояніи сознанія. До сихъ поръ въ образованныхъ и культурныхъ людяхъ страстная (астральная), умственная (ментальная) и даже этическая (будди) природа, хотя и хорошо развиты, но совершенно субъективно. Теперь же цѣль наша въ томъ, чтобы достигнуть объективнаго контроля надъ этими тонкими состояніями сознанія, подобно тому какъ въ матеріальномъ мірѣ мы способны воспринимать своими органами впечатлѣнія звука и свѣта.

Методъ и значеніе тонкихъ состояній сознанія должны быть раскрыты и систематически проведены въ практику. Очевидно, что наши внутреннія силы не могутъ быть приведены къ объективной дѣятельности, если они раньше не будутъ высоко развиты

субъективно. Мысль, которая выше человѣческаго пониманія и постиженія, не можетъ быть передана другому человѣку. И кромѣ того для этой цѣли страсти должны быть строго подчинены умственному и этическому контролю. Здѣсь также основной принципъ Теософіи даетъ намъ ключъ: то, что развивается въ человѣкѣ во всѣхъ случаяхъ есть его „я"; но это „я" развивается въ немъ все болѣе и болѣе дѣятельнымъ. Это развитіе и объективація сознанія есть въ то же самое время концентрація и спиритуализація. Всѣ три цѣли Общества можно выразить въ трехъ словахъ: чувство Единства; изслѣдованіе Единства; образованіе самосознанія.

Мы не можемъ входить въ подробности исторіи Теософическаго движенія. Наша цѣль единственно познакомить съ духомъ и сущностью движенія. Для нашей цѣли достаточно сказать, что Общество нынѣ распространилось въ сотняхъ вѣтвей по всей поверхности цивилизованнаго міра. Однако важно отмѣтить, что въ распространеніи Общества можно различать три періода. Я подробно говорилъ объ этомъ въ журналѣ Theosophist (Octob. 1905); а M. Sinnet писалъ о томъ же въ Theosophical Review (September 1897). Прибавимъ лишь нѣсколько словъ.

Первый періодъ—возникновеніе и организація движенія. Его можно опредѣлить какъ время *Откровенія*. Вліяніе Олькотта усилилось геніемъ Е. П. Блавацкой, которая дала совершенно оригинальное выраженіе тому, что она считала самыми важными факторами въ духовномъ мірѣ.

Второй періодъ открываетъ въ совсѣмъ другомъ характерѣ Анни Безантъ. Правдивое развитіе сердца правильно считаетъ она за основную необходимость, и она придаетъ этическому и религіозно-нравственному воспитанію особенную важность. Она правильно ставитъ воспріятіе и дѣйствіе духа выше дѣятельности ума, отнюдь не умаляя значенія послѣдняго. Она признаетъ великую потребность въ ясномъ знаніи и болѣе точномъ наблюденіи.

Полную разработку этого послѣдняго требованія вполнѣ научнаго изслѣдованія, которое въ состояніи удовлетворить высшія притязанія разума, призванъ совершить *третій* періодъ движенія. Ему нужно полностью выполнить требованія критическихъ принциповъ современной науки. Пока движеніе отдаетъ справедливость притязаніямъ культуры, оно можетъ быть полезно для нея и будетъ помогать ея духовному процвѣтанію. До сихъ поръ движеніе доставляло средства и орудія, остается дать имъ правильно дѣйствовать. Починъ изслѣдованій сдѣланъ и систематическое ихъ веденіе составляетъ задачу будущаго.

Отъ этого зависитъ достигнетъ ли движеніе своихъ цѣлей и все его значеніе. Повторяемъ еще разъ какія требованія къ тѣмъ,

которые работаютъ въ центрѣ движенія, проводятъ его и отвѣтственны за него, въ этическомъ, умственномъ и духовномъ отношеніяхъ.

1. Этическое требованіе состоитъ въ томъ, что всякій стремящійся къ собственному счастію долженъ быть совершенно преданъ реализаціи идеала общества; вмѣстѣ съ собственнымъ развитіемъ онъ долженъ трудиться для развитія человѣчества; воля его должна быть направлена на помощь ближнимъ и на исполненіе ихъ нуждъ; однимъ словомъ самопожертвованіе на службу человѣчеству. Анни Безантъ замѣчательно вѣрно выразила эти требованія въ своей статьѣ: „Внутреннее значеніе Теософическаго Общества." „Стремись быть сильнымъ, не для того, чтобы быть самому сильнымъ, но чтобы міръ былъ сильнѣе. Стремись быть мудрымъ, не для того, чтобы самому быть мудрымъ, но чтобы міръ былъ мудрѣе. Стремись быть чистымъ сердцемъ не для того, чтобы самому быть чистымъ, но чтобы всѣ были ближе въ своей чистотѣ къ Божеству. Заботься не о своей личной радости, своемъ личномъ счастьи, личномъ удовлетвореніи. Заботься только о возвышеніи міра и о той маленькой пользѣ, какую можешь принести".

2. Умственное требованіе—быть вполнѣ въ курсѣ современной науки и знаній; знать о всѣхъ открытыхъ фактахъ, теоріяхъ, взглядахъ, которые могутъ быть выведены изъ фактовъ. Безъ знанія этихъ научныхъ матеріаловъ и проблеммъ невозможно Теософу принять участіе въ умственной культурѣ современности. Безъ этого знанія невозможно даже понять затрудненій, которыя до сихъ поръ ограничивали духовное знаніе и стѣсняли его движеніе. Безъ знанія невозможно исправить основныя ошибки, преодолѣніе коихъ есть первое условіе духовнаго прогресса. Кто не понимаетъ физическаго міра никогда не будетъ въ состояніи правильно судить о сверхфизическомъ.

3. Духовное требованіе, вслѣдствіе неправильнаго словоупотребленія въ настоящее время, труднѣе выразить, не рискуя быть непонятымъ.

Многіе однако имѣютъ смутное понятіе о томъ, что такое непосредственная интуиція генія. Гельмгольцъ смѣло называетъ свои внезапныя интуиціи „внушеніями". Что здѣсь понимается можно выразить словами Платона „о вдохновеніяхъ божественныхъ геніевъ". Мы можемъ найти много другихъ фразъ, если необходимо. Единственно нужная вещь—сдѣлать интуицію ясной для самого себя, ибо это требованіе наиболѣе положительное и наиболѣе настоятельное изъ всѣхъ трехъ. Оно состоитъ въ обладаніи творческою силою.

Гюббе Шлейденъ.

Два года въ городѣ Счастья.

Пока мы здѣсь въ Россіи изыскиваемъ разныя средства отъ надвигающейся опасности общественнаго, нравственнаго и умственнаго разложенія и просто теряемся въ этомъ хаосѣ, видя, что дѣло разрушенія идетъ быстрѣе созиданія, въ Америкѣ сдѣлана уже успѣшная попытка составить ядро новой цивилизаціи, попытка уже превратившаяся въ блестящій образецъ для спасенія всѣхъ народовъ.

Уѣхавши 18 лѣтъ тому назадъ въ Америку, я работалъ тамъ пять лѣтъ въ благовонныхъ лѣсахъ Флориды, и наслаждался спокойствіемъ и отдыхомъ послѣ лихорадочной жизни Петербургской студенческой среды, гдѣ всѣ условія были какъ будто нарочно созданы для того, чтобы взвинтить нервы до послѣдней степени.

Я не могу въ достаточно яркихъ краскахъ описать благодѣтельное вліяніе физическаго труда на мое тѣло и душу среди роскошной флоридской тропической природы, гдѣ я садилъ ананасы, бананы, гуавы, авокадо, черимойю, саподиллу и т. д. до сорока сортовъ разныхъ невѣдомыхъ здѣсь фруктовъ и множества ягодъ и полезныхъ растеній. Какъ обильны дары матери природы и какъ свѣжа и естественна ея ласка!

Тамъ я былъ въ лѣсу одинъ, нѣсколько верстъ отъ ближайшихъ сосѣдей, одинъ изъ первыхъ піонеровъ,—поэтому неудивительно, что я мало говорилъ, а много думалъ.

Какъ дивно мысль развивается въ одиночествѣ, на свѣжемъ воздухѣ и при здоровомъ физическомъ трудѣ! Заслуженный отдыхъ настраиваетъ душу на высшій тонъ, но высшій умъ человѣка, который я буду называть умомъ сердца,—прямо начинаетъ чувствовать близость Всемірной любви въ каждой ласкѣ вѣтерка, въ каждомъ растеніи и камешкѣ, и во всѣмъ этомъ необъятномъ сводѣ небесъ.

А ночь, эта чудная теплая тропическая ночь! Тѣло устало,—а вмѣстѣ съ нимъ всѣ эти книжныя мысли, заученныя по способу попугая, всѣ эти теоріи, сомнѣнія, вертящіяся какъ бѣлка въ колесѣ,—все это не только бездѣйствуетъ, даже изгнано, выжато, такъ сказать, изъ сознанія тяжелымъ физическимъ трудомъ,—и мозгъ молчитъ. А однако чувствуешь больше, живешь шире, со

звѣздами плаваешь будто и отдыхаешь въ лазурномъ пространствѣ, а пальма вторитъ надъ тобою шумомъ своей короны волнамъ океана.

И такъ уснешь на воздухѣ, смотря на небо и слушая рокотъ волнъ. И ночью чувствуешь какъ теплый морской вѣтерокъ насквозь продуваетъ все твое тѣло, проходитъ черезъ каждую косточку. И встаешь утромъ такой свѣжій, свѣжій, съ любовью ко всему живущему.

И пошлешь привѣтъ солнцу и пальмамъ,—и вспомнишь друзей въ Петербургѣ. Что они теперь дѣлаютъ? Можетъ быть составляютъ всякіе проекты, трудятся, испытываютъ непріятности. Зачѣмъ они тратятъ дорогое время на это. И пошлешь имъ ласку свѣтлаго солнца. Ахъ, если бы они построили какой нибудь путь сюда, пріѣхали, поработали и отдохнули со мною. А отсюда уже путь къ Сердцу Природы. И опять трудишься, какъ муравей, а кругомъ растутъ чудеса въ видѣ фруктовъ, цвѣтовъ и растеній. Всѣ они такъ чисты, помылись росой,—и самъ чистъ между ними и принятъ въ ихъ среду. Ахъ! развѣ можетъ быть болѣе пріятное наслажденіе.

Моя невѣста ждетъ меня въ Чикаго. Эта русская идеалистка посылаетъ мнѣ свои чудныя мысли. Но я привязанъ обстоятельствами; я не кончилъ работы и не могу къ ней пріѣхать. Я думаю о ней,—и вдругъ мнѣ кажется, что она ходитъ среди пальмъ и цвѣтовъ. Это мысль моя такъ жива, что почти оформляется. И тамъ гдѣ она прошла какъ мысль, цвѣты блестятъ ярче, пальмы корона болѣе царственной кажется. И земля превращается въ рай, и небожители сходятъ на землю. Да, это моей собственной мысли небожители, и рай созданный собственнымъ сердцемъ. И вотъ я понялъ, какъ рай создается.

А трудъ тяжелый,—тяжелый только для тѣла. Тутъ надо сдвинуть камень. Отъ лома на рукахъ мозоли, кровью налились. Но кончить работу надо.

И вдругъ приходитъ на мысль Галилейскій Страдалецъ, въ коронѣ изъ острыхъ терніевъ. Кровь застыла на немъ. Но на лицѣ Его блаженство; въ Любви Отца Небеснаго и братства людей Онъ утонулъ, въ небѣ Любви безконечномъ. Онъ добровольно страдаетъ—не осуждаетъ Онъ никого. И начинаешь тутъ понимать Его терпѣніе и святость.

И разцвѣтаетъ въ мысли образъ Его, этого Старшаго Брата людей—душа нѣжнѣе цвѣтка,—не отъ міра сего. Да, кровь земная уходитъ Его, кровь символъ страсти, желаній, и серебрится въ мысли безкровная эссенція Его существа.

Жара и усталость и боль! Но продолжаю свой трудъ. Что это? Вдругъ Его вижу, блестящій какъ серебро, бѣлый какъ снѣгъ, руку кладетъ мнѣ на плечо и исчезаетъ. И мнѣ такъ спокойно легко и усталость прошла.

И понялъ я! Это опять моя собственая мысль разцвѣла и оформилась. Опять продолженіе рая.—И думаешь, что за чудесная магія скрывается въ душѣ человѣка. Значитъ въ мысленной сферѣ человѣкъ создатель, творецъ. Значитъ поэзія существуетъ и въ собственной сферѣ живетъ. И все то неуловимое, что украшаетъ жизнь человѣка до его самыхъ высшихъ идеаловъ, имѣетъ свой источникъ, мѣсто и цѣль. И вся красота природы имѣетъ съ этимъ связь. Кто знаетъ, думалъ я, можетъ быть эти чудные фрукты и цвѣты не болѣе и не менѣе какъ болѣе плотная матеріализація мыслей какихъ нибудь высшихъ добрыхъ существъ.

Я еще тогда не зналъ опытовъ д-ра Эльмера Гэтса въ Вашингтонѣ и не имѣлъ понятія о психологической химіи, но я какъ то непосредственно, на подобіе ребенка, чувствовалъ связь между людьми и природой.

Во Флоридѣ у меня была только одна книга для чтенія, именно „Свѣтило Азіи“ Эдвина Арнольда. Въ ней описывалась жизнь и ученіе принца Сиддарты Готтамы, достигшаго послѣ состоянія Будды, вслѣдствіе своей великой и всеохватывающей любви къ человѣчеству, для котораго онъ пожертвовалъ и оставилъ все, движимый глубочайшимъ состраданіемъ.

Въ продолженіи пяти лѣтъ я читалъ тамъ только одну эту книгу, и я любилъ великаго Учителя за Его любовь.

Послѣ трудовъ ночью я тоже, какъ онъ, сидѣлъ и размышлялъ и слышалъ въ лѣсу крики дикихъ звѣрей и крокодиловъ, которые раздавались на подобіе человѣческихъ страстей, гнѣва, отчаянія, жадности, плотскихъ вожделѣній и пр. въ темномъ лѣсѣ человѣческаго невѣжества, и думалъ, по истинѣ спасеніе заключается въ знаніи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я увидѣлъ, что это знаніе не постигается изъ книгъ,—а душа должна пріобрѣсти и главное испытать его сама, поставивши себя въ опредѣленныя условія. Мнѣ помогли природа и трудъ. Но главное тутъ было въ успокоеніи души, въ освобожденіи отъ личныхъ интересовъ, и снятіи такъ называемаго научнаго налета, ибо при современномъ преподаваніи онъ не помогаетъ, а засоряетъ умъ и душу,—и пробужденіи въ ней ея собственной жизни.

Людямъ, живущимъ въ городахъ, это трудно объяснить, потому что они рѣдко живутъ настоящей жизнью, а общая жизнь городовъ такъ низка, что не требуетъ комментарій.

Вотъ если бы эта жизнь въ городахъ была высока, она бы не затрудняла, но помогала развитію и освобожденію индивидуальной души.

Такой городъ я видѣлъ во Флоридѣ во снѣ нѣсколько разъ,—и каждый разъ я перелеталъ въ этихъ сновидѣніяхъ черезъ Аме-

рику на западный ея берегъ къ Тихому океану по какимъ то цвѣтущимъ лугамъ и достигалъ города, гдѣ самъ воздухъ дышалъ счастіемъ и обитатели были словно ясные спасенные духи, а не люди,—такъ спокойны, уравновѣшенны, величественны и радостны они были полные любви и высшей цѣли, сіяя разумомъ и сердцемъ.

И я видѣлъ во снѣ женщину, царицу новой жизни, сіяющую въ душевномъ блескѣ, а вокругъ нея города, государства и народы. Во снѣ я въ чемъ то ея непослушался, и мнѣ однимъ мановеніемъ руки показала она весь блескъ этой сферы, ея внутреннюю жизнь и будущую надежду и счастье народовъ. Сама она при этомъ засіяла несравненной царственной красотой, и я понялъ ея душу, подобной которой я не встрѣчалъ на землѣ.

Я тогда еще не зналъ о существованіи Екатерины Тингли и ея планахъ о постройкѣ новаго города счастья, я не зналъ, что черезъ десять лѣтъ мой сонъ сбудется. Да и она еще никому не была извѣстна, о своихъ планахъ не говорила и можетъ быть сама еще не знала.

Послѣ пяти лѣтъ чуднаго отдыха, можетъ быть многимъ покажется страннымъ, что я называю физическій трудъ отдыхомъ,—я покинулъ Флориду, извѣщенный о болѣзни моей невѣсты, и поѣхалъ навѣстить ее.

Но проѣздомъ черезъ Нью-Іоркъ я увидѣлъ мою невѣсту во снѣ здоровою и свѣтлою. Она мнѣ пришла сказать, что она „переселилась въ другую страну", и когда я попросилъ ее показать мнѣ эту страну, она побѣжала впередъ черезъ лѣсъ, прося меня слѣдовать за ней. Я удивился, что она такъ быстро бѣжитъ, что она уже не больна. Она отвѣтила, что она уже здорова, и что ея болѣзнь „кончилась". Послѣ мы увидѣли поле и за нимъ холмы,—а небо такое чистое и синее, и на каждомъ холмикѣ домъ; на одномъ изъ холмовъ она остановилась и говоритъ, что это ея домъ. Тамъ стѣны были украшены гобеленами, парчею и т. д. Тамъ была и комната отдыха и прохлады. Комната безъ окна, но одна ея стѣна сдѣлана изъ дикихъ камней, по ней шумитъ водопадъ, а внизу бассейнъ изъ дикихъ камней для воды. Въ водѣ на днѣ электрическія лампочки и въ этомъ свѣтѣ видны золотыя рыбки, кораллы. Между камнями посаженъ мохъ и папоротникъ. Далѣе въ саду мы увидѣли яблони, груши, вишни; потомъ ниже виноградъ, оливки, гранаты, винныя ягоды, еще ниже апельсины, гуавы, бананы, авокадо, кокосовыя пальмы. Я удивлялся, что ея садъ по склонамъ холма заключаетъ всѣ земные климаты. Но внизу, когда мы прошли мраморный китайскій мостикъ черезъ ручей и сѣли въ лодку кататься по озеру, воздухъ сдѣлался такъ ясенъ, вода такъ смѣялась и ласкала душу, что я не могъ выдержать и проснулся.

Утромъ я размышлялъ объ этомъ сновидѣніи, и вдругъ получаю телеграмму, что моя невѣста умерла. Вѣдь я только что видѣлъ ее во снѣ. Значитъ она пришла извѣстить меня, что она дѣйствительно переселилась въ новую страну, и что ея болѣзнь кончилась. Она весела, чего жъ я буду страдать. Хотя сердце сжималось, но радовалось ея счастью. А эти всѣ шелковыя и парчевыя вышивки,— это ткань ея идеалистическихъ мыслей и дѣйствій во время ея полезной жизни. Комната отдыха безъ оконъ, это способность ея души оторваться отъ суеты жизни, запереть окна и уединиться въ глубинѣ, гдѣ обитаетъ ея собственный свѣтъ и блестящая вода внутреннихъ чувствъ и идеальной дружбы, памяти и ожиданія, и непрерывной свѣтлой струи надеждъ безсмертнаго существованія. А этотъ садъ съ фруктами всѣхъ климатовъ, не есть ли часть виноградника Господня, гдѣ она трудилась во всѣхъ климатахъ, можетъ быть въ Индіи, Египтѣ, Греціи, Римѣ, въ прежнихъ существованіяхъ не ея личности,—но ея Ангела-Духа, и вотъ здѣсь до сихъ поръ цвѣтутъ и даютъ плодъ ея деревья и лозы,—всѣ въ одномъ мѣстѣ,— въ одномъ синтетическомъ Духѣ; а это озеро Счастья внизу,—у подножья, въ долинѣ смиренья, гдѣ личность теряетъ гордость и вся проникается высшей Любовью къ человѣчеству, гдѣ Сынъ-Духъ приходитъ къ Отцу, или какъ говорятъ Буддисты, къ Нирванѣ,— и гдѣ я проснулся, будучи не въ состояніи выдержать его блеска и радости, развѣ все это ни символы того, что въ будущемъ насъ ожидаетъ, если мы войдемъ въ рѣку, текущую къ этому Океану, и и если по этой рѣкѣ поплывемъ.

И вотъ послѣ яркаго сна сижу съ телеграммой въ рукахъ, сижу въ размышленіи въ номерѣ гостинницы и думаю: „Дѣйствительно можно сравнить. Съ одной стороны полная счастья жизнь Духа въ ея блестящей символической одеждѣ, а съ другой этотъ темный номеръ гостинницы, печка, столъ, телеграмма, смерть. Что здѣсь иллюзія, а что дѣйствительность? Придетъ время, когда отъ комнаты, стола, телеграммы и смерти не останется даже воспоминанія,— а тѣ блестящіе плоды нашихъ идеальныхъ дѣлъ и помысловъ и свѣтлое озеро Духа будутъ сіять вѣчной красой навсегда. 14 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и авторъ можетъ хладнокровно описывать эти воспоминанія и чувствуетъ, что скорѣе солнце померкнетъ, чѣмъ это чудное сіяніе Духа потеряетъ силу и свѣжесть. Онъ чувствуетъ, что оно спрятано гдѣ то такъ далеко, что зубъ времени его коснуться не можетъ. Правда, тучки пришли и ушли, но послѣ тучекъ оно еще свѣжее и ярче“.

Тогда я рѣшилъ никогда не забывать этой минуты.

Пріѣхалъ я въ Чикаго уже послѣ погребенія ея тѣла. На квартирѣ, гдѣ она жила, я спросилъ, какія вещи послѣ нея остались, мнѣ дали только книгу и кофточку. Я смотрѣлъ на нихъ съ та-

кимъ чувствомъ, какъ ребенокъ смотритъ на перышки птички, которую съѣла кошка. Перышко вмѣсто пѣвуньи. Слезы у него навертываются на глазахъ, рѣсница дрожитъ, но гордость заставляетъ его не показывать своей печали передъ другими.

Но голосъ пѣвуньи я чувствовалъ у себя въ сердцѣ. Все окружающее будто исчезло,—только какіе то чудные аккорды ласкали душу. Близость ея души я воспринималъ.

Послѣ этого на жизнь свою на землѣ я смотрѣлъ равнодушно. Видъ гробовъ въ окнахъ похоронныхъ бюро на меня не производилъ тяжелаго впечатлѣнія. Смерть—освободительница потеряла свое жало. Я живой, уже на половину жилъ въ странѣ освобожденныхъ. Я виталъ надъ землей и думалъ о ней. Помню разъ на очень людной улицѣ я задумался о ней. Толпы народа, шумъ экипажей, грохотъ поѣздовъ мэтрополитэна на стальныхъ столбахъ надъ улицей,—вотъ обстановка, въ которой опять случилось оформленіе мысли. Именно вверху вблизи у мелькавшаго поѣзда я вдругъ увидалъ ея бѣлую сіяющую фигуру. Я звалъ ее къ себѣ ближе, но она качала головой и протягивала руки ко мнѣ, какъ будто говоря, что не ей надо спуститься, а мнѣ надо подняться до нея.

Она сіяла ярче, чѣмъ электрическій прожекторъ Шуккерта, ослѣпительно сверкавшій со стороны всемірной выставки, которая тогда открылась въ Чикаго. Это явленіе меня очень удивило. Значитъ, оно и въ городѣ возможно, если мысль достаточно захвачена высокимъ чувствомъ.

Я подумалъ: „Отчего ея душа не можетъ сообщаться чрезъ мной самимъ созданную ментальную форму, если при жизни она сообщалась со мной черезъ физическую форму, созданную для нея природой, т. е. черезъ тѣло.

Я часто посѣщалъ выставку. Какъ чудно гармонировали гигантскія бѣлыя зданія, разбросанныя среди зеленыхъ луговъ и озеръ съ моимъ настроеніемъ. Она живетъ въ такомъ же бѣломъ царствѣ я подумалъ. А эти огромные крылатые ангелы въ Египетскомъ стилѣ, смотрящіе въ вѣчность, разрисованные на зданіи Земледѣлія. Она тоже смотритъ въ сторону вѣчности, и взоръ ея спокоенъ. Чаще всего я посѣщалъ художественный отдѣлъ, и особенно долго смотрѣлъ на картину Элису Веддера. Въ центрѣ женщина; голова ея покрыта почти до глазъ, и взоръ ея опечаленъ. Это душа человѣка. Съ лѣвой стороны античный сѣдой мудрецъ со спокойнымъ взоромъ. Онъ *думаетъ*, но нѣтъ кругомъ него свѣта, и въ глазахъ его сомнѣніе. Это низшій умъ, умъ личности, умъ души, затерявшейся во тьмѣ матеріи и въ иллюзіяхъ ея. Отъ спокойствія его вѣетъ грустью, какъ отъ Виргилія въ Божественной Комедіи Данта. Но съ правой стороны ея лицо Ангела,—будто лицо дитяти; Онъ

окруженъ яркимъ ореоломъ и своимъ крыломъ прикрываетъ какъ женщину такъ и мудреца. Этотъ Ангелъ не думаетъ; онъ прямо *знаетъ* непосредственно,—онъ самъ сотканъ изъ эссенціи Знанія, и безсмертіе поэтому вѣетъ отъ лица его. Это нашъ высшій умъ,— Ангелъ обитающій въ сердцѣ человѣка, небесная ласточка, приносящая намъ благородство, великодушіе, красоту, поэзію,—это Беатриче вдохновенія, и если выразиться по богословски, благодати,— потому что всѣ благіе дары для души исходятъ изъ него.

Къ концу выставки собрался въ Чикаго парламентъ религій. Споры темъ не были допущены, каждый только излагалъ свои взгляды. Я, какъ очевидецъ, могу засвидѣтельствовать тотъ энтузіазмъ, который постепенно возрасталъ, когда все болѣе и болѣе обнаруживалось, что всѣ религіи имѣютъ общій духъ, который можно опредѣлить словами: Богъ нашъ Отецъ, и всѣ мы братья. Я видѣлъ какъ они подружились, какъ православный священникъ ходилъ подъ руку съ буддистомъ, магометанинъ съ браминомъ, а протестантъ съ раввиномъ. Никто изъ нихъ не стыдился своей религіи, но они стыдились, что они раньше не были такъ дружественны между собою. Но когда начались рѣчи въ Теософическомъ Отдѣлѣ, когда узнали, что этотъ отдѣлъ душа всего религіознаго конгресса, такъ какъ его ученіе объединяетъ всѣ религіи въ одной истинѣ, цѣлыя толпы начали валить туда изъ другихъ отдѣловъ. Вдохновенныя рѣчи Анни Безантъ, г-на Джоджа и другихъ произвели огромное впечатлѣніе на публику. Чувствовалось, что Теософія оформила и упрочила тайное желаніе всего Конгресса. Много слушателей присоединилось къ теософическому Обществу, не оставляя понятно своихъ собственныхъ религій. Я тоже написалъ восторженное письмо Анни Безантъ, но формально не записался. Я хотѣлъ испытать что важнѣе: форма или суть, а также испытать самаго себя.

Для изученія Теософіи я послѣ выставки и конгресса переѣхалъ въ Нью Іоркъ и посѣщалъ тамъ теософическую библіотеку. Я ходилъ туда безпрепятственно и удивлялся какъ меня туда пускаютъ. Послѣ я узналъ, что библіотекарь поднималъ настойчиво вопросъ о томъ, чтобы меня не пускать, какъ не члена, но лидеръ Общества г. Джоджъ энергично защитилъ меня. Поэтому я сейчасъ же понялъ, что г. Джоджъ не обращаетъ вниманіе на формальность, а на дѣйствительное желаніе учиться. Какъ онъ это чувствовалъ,— я не знаю. Я не былъ съ нимъ знакомъ,—и единственный разговоръ, который я съ нимъ до этого времени имѣлъ, могъ только разочаровать его. Меня удивила такая удивительная чуткость сердца.

Я посѣщалъ еженедѣльныя теософическія лекціи, видѣлъ какъ Общество росло,—но я былъ въ великомъ городѣ,—и отвлекался

другими цѣлями, ничего общаго съ Теософіей не имѣющими. Міръ опять сталъ интересовать меня, наука и литература,—какъ много въ ней пустого и недостойнаго, я не умѣлъ дѣлать выбора людей, среди которыхъ вращался, и жизнь моя опять матеріализовалась, такъ что я считалъ себя недостойнымъ имени теософа. Но все таки я боролся и не зналъ какъ мнѣ удастся побѣдить.

Послѣ смерти Джоджа на сценѣ Теософіи появляется новый лидеръ назначенный имъ, Екатерина Тингли. Я даже не былъ членомъ, я наблюдалъ со стороны ея дѣйствія, но она сразу пригласила меня къ литературной работѣ. Какъ же я сумѣю, думалъ я, не зная всѣхъ тонкостей англійскаго языка. Я хотѣлъ махнуть рукой, но послѣ всетаки написалъ, и дѣйствительно мнѣ сказали, что удовлетворительно. Меня поздравляли,—а я удивлялся, какъ это она могла угадать, и какъ это все вышло вопреки всякой вѣроятности.

Она объѣхала вокругъ свѣта, произнесла много удивительныхъ рѣчей, вернулась, нашла сильную матеріализацію идеала Теософіи въ исканіи разныхъ магическихъ феноменовъ, въ холодномъ бездѣятельномъ интеллектуализмѣ,—быстро захватила абсолютную власть въ свои руки въ обществѣ по добровольному соглашенію сочувствовавшихъ членовъ, и во избѣжаніе недоразумѣній перемѣнила имя Теософическаго Общества во Всемірное Братство, дабы на будущія времена не повадно было забывать главную цѣль общества Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ очень удачно,—и новый смыслъ повѣялъ на дѣятельность всего ея общества, которое начало быстро расти.

Анни Безантъ въ это время все еще развивала теорію Теософіи въ Европѣ и Индіи. Она это дѣлала удивительно и сильно, я все еще слѣдилъ за ней,—но я не могъ отвести мой взглядъ тоже отъ практической Теософіи Братства, зажегшей свой факелъ въ Америкѣ на благо всѣхъ племенъ и народовъ и объявившей свою солидарность со всѣми, хотя бы и внѣшними, теософическими попытками.

И вотъ Екатерина Тингли вдругъ уѣзжаетъ въ Калифорнію для возстановленія школы потерянныхъ мистерій древности.

Странникъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Духовно-Библейское Братство.

Исторія возникновенія этого братства интересна по своей самобытности. Въ то время, въ 70-хъ годахъ, на югѣ Россіи были развиты штундистскія организаціи многихъ толковъ, въ особенности секты евангелическихъ христіанъ и анабаптистовъ.

Религіозныя секты эти большею частію распространялись среди крестьянъ въ деревняхъ и ремесленниковъ въ большихъ городахъ. Религіозно-нравственной основой этихъ сектъ, какъ извѣстно, служитъ Евангеліе (Нов. завѣтъ) и отчасти Ветхій завѣтъ, отсюда отсутствіе всякихъ обрядностей, иконъ, молитвъ и проч. Интеллигентныхъ силъ среди этихъ сектантовъ не было. Иногда, благодаря своимъ радикальнымъ взглядамъ на жизнь, они привлекали въ свою среду и людей привиллегированныхъ сословій, пожелавшихъ изучить ихъ жизнь и быть.

Нѣсколько интеллигентныхъ людей въ гор. Елисаветградѣ, врачей, юристовъ и учителей, заинтересовавшись жизнью и религіознымъ вѣрованіемъ штундистовъ (такъ ихъ называли въ простонародьи), познакомились съ нѣкоторыми членами и стали посѣщать ихъ собранія, въ то время не разрѣшенныя правительствомъ. Среди этихъ близкихъ къ штундистамъ лицъ былъ и учитель Яковъ Гординъ, молодой человѣкъ, самоучка, но талантливый газетный дѣятель и журналистъ.

Присмотрѣвшись близко къ жизни этихъ штундистовъ, онъ до того заинтересовался ими, что скоро на страницахъ существовавшей тогда въ С.-Петербургѣ газеты „Недѣля" Гайдебурова, появился рядъ очерковъ его, Гордина, подъ названіемъ „Типы штундистовъ" (если я не ошибаюсь, эти очерки писались въ 1884 г.). Какъ талантливый писатель, онъ прекрасно описывалъ въ этихъ очеркахъ ихъ жизнь и бытъ, нравственный обликъ и строгій раціонализмъ. Религіозныхъ ихъ обрядовъ онъ не касался, такъ какъ съ одной стороны онъ тогда еще плохо былъ знакомъ съ религіознымъ ихъ культомъ, а съ другой, трудно было въ журналистикѣ и литературѣ печатать открыто о тѣхъ, которые были говимы правительствомъ.

Вращаясь, такимъ образомъ, среди штундистовъ, Яковъ Гординъ сталъ думать о томъ, чтобы среди евреевъ создать такой же культъ, какой создали среди православныхъ. Какъ еврей западныхъ губерній (родомъ изъ Рѣжицы, Минской губ.), прошедшій всю

школу талмудической экзегетики, умный и образованный, онъ полагалъ, что среди евреевъ, именно теперь, благодаря тому положенію, въ которомъ они находились, раціоналистическое ученіе имѣло бы громадный успѣхъ.

Загнанные въ своихъ политическихъ, правовыхъ и другихъ судьбахъ, евреи въ Россіи, кромѣ того, страдаютъ еще своей обособленностью, благодаря которой они становятся на противоположномъ лагерѣ по отношенію къ своимъ согражданамъ. И какъ въ государствѣ религія строго охраняется правительствомъ, чтобы образовалось одно неразрывное цѣлое, такъ и у евреевъ изстари установилась тѣсная связь между исповѣдываемой евреемъ религіей и его бытомъ—какъ гражданина: ты не можешь быть гражданиномъ, если не исповѣдуешь культъ еврейскій.—Всѣ религіозные обряды, какъ наслѣдія среднихъ вѣковъ, когда евреи кочевали по всей Европѣ; всѣ обычаи, привитые путемъ разныхъ повѣрій и подражаній, были вписаны разными фарисеями и книжниками въ кодексъ еврейскихъ религіозныхъ законовъ и простонародью внушалось, что это отъ самого Бога: что то, что Богъ на горѣ Синайской заповѣдывалъ Моисею устно, Моисей передалъ Старѣйшинамъ, а тѣ Синедріону, а они записали уже для передачи народу и ученію его Слову Божію. Между тѣмъ Слово Божіе и жизнь еврея ничего общаго не имѣютъ, доказательствомъ чего служитъ, что сознательная часть еврейства не придерживается тѣхъ выдуманныхъ статей, которыя написаны и заповѣданы евреямъ въ разныхъ кодексахъ, ложныхъ афоризмахъ, разсказахъ, преданіяхъ, исторіяхъ и т. п.

Кромѣ этого воспитаніе и положеніе еврея ставитъ его въ какое-то неопредѣленное отношеніе къ другимъ народностямъ, среди которыхъ имъ приходится жить. Послѣ установленія реформъ Александра II, евреи получили кое-какія права, и если бы не ихъ обособленность, они могли бы сравниться съ прочимъ кореннымъ населеніемъ и получить всѣ права гражданства. Но закоснѣлыя и никуда негодныя фарисейски-ложные ритуалы и обряды не давали имъ достигнуть этого благосостоянія и они влачили жалкое существованіе.

Назрѣла необходимость реформировать бытъ евреевъ во многихъ его проявленіяхъ и эту тяжелую задачу взялъ на себя Яковъ Гординъ, онъ взялъ на себя смѣлость выступить открытою проповѣдью противъ существующихъ среди евреевъ ложныхъ религіозныхъ обрядовъ, извращающихъ смыслъ самой жизни, установленіемъ среди нихъ раціоналистическаго взгляда на религію и жизнь человѣка.

Какъ толкователь священнаго писанія онъ былъ безподобенъ, и его проповѣди и разъясненія о различныхъ религіозныхъ вопросахъ слушались съ восторгомъ, и онъ скоро пріобрѣлъ огромный

кругъ сочувствующихъ и понимающихъ его идею. Собравъ своихъ единомышленниковъ, онъ объявилъ имъ, что намѣренъ создать общество, цѣль котораго реформированіе жизни евреевъ съ точки зрѣнія религіозно-нравственной.

Несмотря на то, что въ Елисаветградѣ его никто почти не зналъ, тѣмъ не менѣе онъ за короткое время привлекъ къ себѣ вниманіе многихъ евреевъ, и когда онъ передалъ своимъ близкимъ о своемъ рѣшеніи, у него образовался тѣсный кружокъ, человѣкъ въ 30, пожелавшихъ обновить свою безцвѣтную жизнь сознательнымъ и разумнымъ отношеніемъ въ дѣлахъ религіозно-нравственныхъ, необходимыхъ каждому человѣку, какъ свѣтъ. Собравшись вмѣстѣ, учредители новаго общества рѣшили, что прежде всего необходимо составить уставъ, для того, чтобы можно было основательно и твердо преслѣдовать намѣченныя цѣли.

Но такъ какъ это общество имѣло цѣлью не сплоченіе отдѣльныхъ лицъ для какихъ нибудь меркантильныхъ или иныхъ цѣлей, а исключительною цѣлью даннаго общества было религіозно-нравственное совершенствованіе, то уставъ, слѣдовательно, не приходилось писать, а предложено было выработать правила, указывающія, чему въ жизни слѣдуетъ придерживаться, и эти правила назвать *основами*. Затѣмъ, въ виду того, что данное общество, въ силу своей проповѣди объ единеніи и сближеніи, задалось цѣлью не различать людей по племени и религіи, считая всѣхъ людей дѣтьми одного Отца — рѣшили это собраніе единомышленниковъ назвать „Братствомъ“. И такъ какъ Братство пришло къ мысли, что нужно духовно развиваться, а слѣдовательно и жить духовной жизнью — назвать это братство духовнымъ, въ отличіе отъ общества, преслѣдующаго матеріальныя выгоды. Впослѣдствіи пришлось къ этому названію прибавить еще и „библейское“, такъ какъ все это ученіе и проповѣдь о новой духовной жизни, было основано на библейскихъ тезисахъ, трактующихъ о духовно-нравственной жизни людей и имѣющихъ обще-міровое и вѣчное значеніе для всѣхъ.

Все описанное нами произошло передъ еврейской пасхой. Къ этому времени Братство сплотилось тѣсной семьей, около 30 человѣкъ. Большей частью были люди интеллигентные, но среди нихъ нѣсколько ремесленниковъ и даже нѣсколько торговцевъ. Упомянемъ кстати, что къ нимъ примкнули также хорошо знакомые мнѣ братья-штундисты—человѣка три четыре, которые выросли, такъ сказать, изъ пеленъ штундизма. и искали лучшей жизни. Это были тѣ изъ сознательныхъ штундистовъ, которые пережили на своихъ костяхъ гнетъ узкой сектантской гегемоніи, нежелавшей признать культуру. Калино, умный развитой мужикъ, выходецъ изъ деревни, много лѣтъ былъ членомъ этой баптистской семьи, которая была основана на югѣ. Но замкнутость секты, некуль-

турность и, главное, отсутствіе интеллигентныхъ силъ создало такую затхлую атмосферу, что сознательному и мало-мальски культурному человѣку трудно было удержаться въ сектѣ. Жажда къ свѣту, знанію, свободѣ и, главное, къ общественной жизни принудила его оставить своихъ коллегъ и присоединиться къ братьямъ, ученіе которыхъ имъ до того нравилось, что они стали бывать на ихъ собраніяхъ. Калино, не смотря на свое малое образованіе, принялся за литературу. Въ короткое время онъ написалъ огромное сочиненіе, въ которомъ излагалось въ доступной формѣ ученіе христіанства не какъ догматъ, а какъ путеводитель жизни. Остальные баптисты также были рады, что имѣютъ возможность просвѣщать себя въ новозародившейся семьѣ, въ духовно-библейскомъ братствѣ.

Кто знакомъ съ еврейской жизнью, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касается религіи, тотъ знаетъ, какъ евреи въ этомъ отношеніи консервативны.

Подобнаго рода явленіе, какъ основаніе среди евреевъ секты, отрицающей существующій порядокъ вещей въ религіи—совершенно немыслимо. Крупнаго сектантства среди евреевъ никогда не было, если не считать специфическія секты, какъ хасиды, миснагды и ашкинази, которые отличаются отъ евреевъ тѣмъ, что порядокъ молитвъ признаютъ не тотъ, какой у другихъ евреевъ.

Появленіе секты среди евреевъ вызвало сразу массу кривотолковъ: ортодоксальная часть еврейства видѣла въ этомъ наказаніе и гнѣвъ Божій и предсказывала скорое пришествіе Мессіи. Масса, какъ инертная и ничего не знающая, вовсе не хотѣла новшества и окрестила ихъ сразу „штундарями" какъ и назывались русскіе штундисты.—Либеральная часть еврейства отнеслась высокомѣрно: зачѣмъ вы нарушаете наше спокойствіе, когда намъ не нужно никакой религіи и для насъ всѣ ваши проповѣди излишни. И завязалось религіозная борьба. Были пущены въ ходъ сейчасъ же доказательства, что это ассимиляторы, что идеи здѣсь нѣтъ, и, вообще, что можетъ быть хорошаго отъ затѣй какихъ то бѣдняковъ, учителей, сапожниковъ и портныхъ. Менѣе порядочные люди пустили въ ходъ совершенно ложные слухи, которые должны были быть опровергнутыми, и вотъ на страницахъ мѣстной газеты „Елизав. Вѣдом." появляется письмо брата, въ которомъ кратко излагается вѣроученіе, духъ Библейскаго Братства съ заявленіемъ, что никакіе вѣковые религіозно-фанатическіе и ортодоксально-обрядовые обычаи и ритуалы не удержать братства отъ проповѣди возрожденія и реформированія евреевъ. Съ этого момента братство пріобрѣтаетъ религіозныхъ враговъ. Но за то симпатіи многихъ молодыхъ и

интеллигентныхъ силъ были на сторонѣ братства и къ нимъ пошли новыя силы, пожелавшія зажить духовной жизнью.

Въ этотъ самый моментъ, 16 апрѣля 1881 г. въ Елисаветградѣ, на третій день русской Пасхи, произошелъ первый въ Россіи еврейскій погромъ. Этотъ погромъ, какъ сильный отзвукъ убійства Императора Александра II (теперь бы назвали это контръреволюціей) далъ толчекъ назадъ и началась знаменитая реакція, подавившая все живое и жизненное.

Погромъ, какъ побоище, съ цѣлью разорить только евреевъ, до того ошеломилъ всѣхъ членовъ духовно-библейскаго братства, что они, забывъ про свое святое дѣло, затужили, опечалились и перестали вѣрить, что среди людей можетъ быть правда и любовь! Да и гдѣ же эта правда и любовь, когда на глазахъ всѣхъ такое братоубійство и человѣконенавистничество. Когда погромные дни прошли, и все мало-по-малу стало входить въ свою обычную колею, когда жизнь опять стала принимать формы гражданственности, естественно, что среди евреевъ стали говорить главнымъ образомъ на тему „за что же насъ бьютъ?“ О, еслибъ они тогда знали то, что мы теперь знаемъ, было бы совсѣмъ иначе! Нашлись такіе, которые говорили, что насъ преслѣдуютъ еще за то, что мы не занимаемся земледѣліемъ! Но братья давно уже мечтали устроить колонію. Нашлись люди, создавшіе выработанный планъ о томъ, какъ обратиться въ министерство съ просьбой предоставить землю для колоній, собрать много денегъ, повести агитацію въ пользу этого и привлечь на свою сторону многихъ евреевъ. Дѣятельное участіе приняло въ этомъ дѣлѣ и духовно-библейское братство, такъ какъ при достиженіи этого исполнялся одинъ изъ главныхъ тезисовъ „основъ братства“ о занятіи земледѣліемъ.

Въ Петербургѣ въ то время существовалъ еврейскій земледѣльческій фондъ и вотъ туда-то обратились дѣятели елисаветградцы за помощью и совѣтами. — Но какая же печаль овладѣла всѣми, когда что день дальше, они стали убѣждаться въ тщетности своей затѣи и реальнаго ничего не вышло: денегъ никто не далъ, не дало и правительства разрѣшенія. Напрасно члены духовно-библейскаго братства искали утѣшенія въ томъ, что имъ можно будетъ позаняться земледѣліемъ, если только будетъ достигнуто что нибудь. Когда же всѣ надежды рухнули, у многихъ все таки осталось желаніе обрабатывать землю. Однимъ изъ такихъ желающихъ былъ Яковъ Михайловичъ Гординъ, выразившій первый желаніе немедленно уѣхать и работать. Это обстоятельство подтверждалось еще и тѣмъ, что послѣ погромовъ трудно было продолжать проповѣдь какъ прежде, такъ какъ почва немного ускользнула среди сочувствующихъ, и это представлялось почти неудобнымъ,

мало ли пережито было за это погромное время, а тутъ еще проповѣдь о возрожденіи и обновленіи!

Въ это самое время стали массами эмигрировать въ Америку и много изъ библейцевъ также, какъ и другіе, уѣхали въ Америку въ надеждѣ тамъ, за океаномъ водворить новую идею. Первымъ уѣхалъ въ деревню, Яковъ Михайловичъ, ему это еще было удобнѣе, чѣмъ кому либо другому, такъ какъ у него было много знакомыхъ изъ земледѣльцевъ, которые его пріютили, дали ему домъ для семьи, всѣ необходимыя орудія для обработки земли и ему оставалось только приложить свои силы и добыть то, что даетъ природа.

Такимъ образомъ погромы послужили страшной помѣхой для братства, и отъѣздъ изъ города Я. М. въ деревню окончательно рѣшилъ этотъ вопросъ.

Дѣятельность братства была прервана этимъ историческимъ ужасомъ и, несмотря на то, что многіе жаждали жизни, проповѣди, свѣта, пришлось мириться и разставаться съ тѣмъ, что такъ было взлелѣяно и что составляло основную идею всѣхъ братьевъ.

Но братству не суждено было погибнуть, а временно только заснуть. Черезъ три года Я. М. вернулся изъ деревни, опять таки въ Елисаветградъ, и съ новой энергіей, съ сильной любовью взялся опять за свое прежнее дѣло. Не стоило много труда созвать ему всѣхъ знакомыхъ братьевъ и заложить прочный фундаментъ для будущаго.

Но теперь пришлось обратить вниманіе на легальность, которая для этого была очень важна. За три года въ Россіи многое измѣнилось, то что можно было дѣлать въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, воспрещалось въ 1884 г. Надлежало обезпечить себя разрѣшеніемъ начальства на свободное проповѣдываніе идеи духовно-библейскаго братства. За такимъ разрѣшеніемъ нѣкоторые изъ членовъ братства обратились къ мѣстнымъ властямъ, которые во главѣ съ полиціймейстеромъ устроили спеціальное засѣданіе и, дебатируя долго по этому поводу, рѣшили, что, хотя въ принципѣ не встрѣчается препятствія къ разрѣшенію таковаго, но безъ власти губернатора они не рѣшаются рискнуть, а губернаторъ въ свою очередь направилъ это ходатайство къ министру. Министръ долго запрашивалъ объ этомъ, но все таки разрѣшилъ духовно-библейскому братству имѣть свою утвержденную молельню и раввина.

Трудно пришлось, разумѣется, все это исходатайствовать, добиваться, получать разрѣшенія и проч., но въ концѣ-концовъ всѣ препятствія были устранены, и братство получило санкціи имѣть свою молельню, т. е. залъ для проповѣдей и пользовалось всѣми присущими всякому обществу правами.

Собранія по субботамъ у библейцевъ были грандіозныя. Надо же понимать, какъ жадна еврейская масса вообще къ живому

слову. Когда въ еврейской синагогѣ ораторствуетъ иногда ортодоксъ ораторъ—его собирается слушать весь городъ. Но о чемъ трактуетъ ораторъ? Онъ 2—3 часа говоритъ и заканчиваетъ, что нужно свято выполнять такой то обрядъ, въ противномъ случаѣ Богъ разсердится и накажетъ еще хуже народъ Израильскій. Проповѣди у Библейцевъ были не тѣ: то были темы духовно-нравственныя, высоко идеальныя, строго продуманныя и трактующія о лучшей жизни людей! И эти рѣчи слушались съ энтузіазмомъ!

Въ числѣ членовъ Дух. Библ. Бр. былъ извѣстный врачъ въ Россіи Веніаминъ Осиповичъ Португаловъ, другъ извѣстнаго писателя Пругавина. В. О. Португаловъ вступилъ въ члены братства по перепискѣ. Одна изъ дѣятельныхъ членовъ братства M-me В—въ, будучи хорошо знакома съ В. О., вела съ нимъ переписку и между прочимъ написала ему, что въ Елисаветградѣ сталъ функціонировать такой кружокъ. Тогда В. О. возгорѣлъ желаніемъ, какъ еврей, ознакомиться съ его дѣятельностью и самому стать его послѣдователемъ. Впослѣдствіи онъ пріѣхалъ въ Елисаветградъ и, какъ публицистъ и писатель, написалъ по этому поводу въ высшей степени интересную брошюру подъ названіемъ „Знаменательныя движенія въ еврействѣ“, посвященную А. С. Пругавину. Брошюра была издана въ 1884 г. Ф. Павленковымъ. Заимствуемъ изъ этой брошюры мнѣніе В. О. Португалова о духовно-библейскомъ братствѣ:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще до начала погромовъ, въ Елисаветградѣ образовался въ средѣ евреевъ кружокъ, разросшійся въ скоромъ времени въ особый союзъ, подъ именемъ, весьма вѣрно характеризующимъ этотъ союзъ, подъ именемъ „Духовно-Библейскаго Братства“. Самое названіе показываетъ, что основа, на которой зиждется братство, есть священное писаніе, Библія, та самая Библія, которою Англія, завоевавъ силою оружія множества странъ, покорила себѣ сердца всѣхъ подвластныхъ народовъ. Мы многое читали въ газетахъ объ этомъ братствѣ, но все прочитанное нами не произвело на насъ такого хорошаго впечатлѣнія, какое мы испытали, когда намъ довелось лично посѣтить это братство въ августѣ этого года сперва въ Елисаветградѣ, а потомъ въ Одессѣ. Когда мы попросили позволеніе посѣтить это братство, всѣ члены его собрались вечеромъ въ довольно просторной комнатѣ при самой простой, почти убогой обстановкѣ. Тутъ было много мужчинъ, женщинъ, молодыхъ людей и средняго возраста. Духовное общеніе началось съ того, что всѣ встали и торжественно произнесли молитву за царя, потомъ всѣ усѣлись и одинъ изъ братьевъ прочелъ текстъ изъ священнаго писанія и на этотъ текстъ велъ довольно продолжительную и поучительную бесѣду. Въ каждомъ словѣ говорившаго выражалось его внутреннее убѣжденіе, сила его мысли и чувства; ясно было, что человѣкъ этотъ много въ

жизни испыталъ, выстрадалъ, много думалъ и передумалъ и наконецъ рѣшилъ, что нельзя относиться индифферентно къ бѣдной непросвѣщенной массѣ, но что необходимо дѣйствовать на нее и словомъ и дѣломъ".

Покойный В. О. Португаловъ въ то время постарался въ своей брошюрѣ „Знаменательныя движенія въ еврействѣ" такъ вѣрно охарактеризовать народившіяся на югѣ секты среди евреевъ еще и потому, что въ то время (1882 г.) появилась небольшая книжечка въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ, Autoemancipation (самоосвобожденіе)—Воззваніе къ своимъ соплеменникамъ одного русскаго еврея" (д-ра Пинскера). Въ этой брошюрѣ авторъ доказываетъ, что евреямъ послѣ 2000 лѣтъ муки нужно подумать о своемъ отечествѣ и переселиться въ Палестину, хотя бы это стоило жизни половинѣ еврейства. Впослѣдствіи его идей проникся д-ръ Герцль и на свѣтъ народился „сіонизмъ". Д-ръ В. О. Португаловъ, заинтересовавшись этой брошюрой—отвѣтилъ въ своей (нами упомянутой) брошюрѣ обстоятельно Пинскеру о невозможности достиженія евреями предлагаемаго имъ выхода и нарожденіемъ духовно-нравственныхъ и религіозныхъ сектъ среди еврейства доказываетъ, что только путемъ религіозно-нравственнаго воспитанія евреевъ среди тѣхъ народовъ, гдѣ они живутъ, можно будетъ достигнуть полнаго блага.

Вотъ что пишетъ В. О.: „27 января 1883 въ кружкѣ сенъ-симонистовъ Эрнестъ Ренанъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: „Чистая религія есть та, которая можетъ въ будущемъ соединить все человѣчество, это—религія еврейская, освобожденная отъ обрядностей". Съ точки зрѣнія Ренана, еврейству нужна не изолированная обособленная территорія (такъ какъ его территорія—весь земной шаръ), а культурная очистка отъ устарѣлыхъ обрядностей и культурное сліяніе съ остальными народами. И тутъ онъ приводитъ примѣры возникновенія духовнаго братства и другихъ.

Затѣмъ, В. О. Португаловъ разсматриваетъ и характеризуетъ „Основы братства", и, не подлежитъ сомнѣнію, что его оцѣнка въ высшей степени драгоцѣнна. Заканчивая свою брошюру, В. О. говоритъ: „Таковы основныя черты ученія возлюбленнаго нами братства, которому не можетъ не симпатизировать всякій честный и нравственно-развитый человѣкъ. Въ возникновеніи этого братства мы видимъ зарю самаго свѣтлаго будущаго для еврейства. Конечно, братству будетъ очень трудно въ первое время, потому что искренно расположенныхъ примкнуть къ нему на первыхъ порахъ немного найдется, но со временемъ можно надѣяться, что все лучшее изъ еврейской интеллигентной молодежи присоединится къ этому движенію. Намъ указывали якобы на ту неловкость, что наше братство

возникло въ средѣ интеллигенціи, между тѣмъ какъ вообще сектантство возникаетъ и идетъ изъ народа. Но это вѣрно лишь вообще, а вовсе не всегда и не всюду. Самый компетентный знатокъ сектантской жизни А. С. Пругавинъ описываетъ интеллигентную секту подъ именемъ „Десное Братство", возникшую въ пятидесятыхъ годахъ на Уралѣ среди горныхъ служащихъ. Иниціаторомъ ея былъ капитанъ артиллеріи Н. С. Ильинъ, заключенный въ Соловецкій Монастырь, гдѣ онъ провелъ 14 лѣтъ и гдѣ съ нимъ бесѣдовалъ Диксонъ. Пругавинъ даже утверждаетъ, что ученіе „Деснаго Братства" изъ интеллигентнаго кружка мало по малу перешло въ народную среду и упрочилось въ ней. „Десные братья" признаютъ изъ всѣхъ книгъ священнаго Писанія лишь одну Библію. Словомъ, „Десное Братство" на Уралѣ тоже самое, что Духовно-Библейское братство въ Елизаветградѣ и Одессѣ. И если между абсолютнымъ православіемъ и ортодоксальнымъ еврействомъ мало общаго, то между христіанскимъ и еврейскимъ сектанствомъ возможна полнѣйшая солидарность. Итакъ, въ еврействѣ, населяющемъ Россію, мы видимъ теперь широкое движеніе путемъ самоосвобожденія и колонизаціи, путемъ культуры и путемъ совершенствованія среди братствъ. Изъ всѣхъ этихъ движеній намъ лично наиболѣе симпатичное и близкое, это—дорогое и любезное намъ братство".

Такого мнѣнія былъ покойный В. О. Португаловъ о Духовно-Библейскомъ Братствѣ.

Жизнь братства съ 1884 года по самый день, когда правительство взяло обратно данное ему разрѣшеніе, была полна интереса.

Сочувствующихъ этому братству—была масса. Вся русская печать восторгалась нарожденіемъ среди евреевъ секты, воспрещающей торговать спиртными напитками, занятіе факторствомъ и ставящее необходимымъ условіемъ занятіе земледѣліемъ или ремесломъ, т. е. физическимъ трудомъ. Русско-еврейская печать несоглашалась съ мнѣніемъ братства и съ существующими тогда органами прессы пришлось сильно воевать. Объясняется это тѣмъ, что стоящіе во главѣ еврейской журналистики были представители буржуазно-еврейскаго общества, для которыхъ невыгодно было печатать въ своихъ изданіяхъ то, что ие нравится большинству. Объ этомъ самомъ явленіи есть, между прочимъ, интересныя данныя, которыми съ очевидной ясностью обрисовывается положеніе нашей еврейской прессы въ то время.

Количественно братство не росло. Исполнились слова В. О. Португалова, писавшаго, что „искренно расположенныхъ примкнуть къ нему на первыхъ порахъ немного найдется„—такъ и было. Объявившіе себя въ началѣ (въ 1881 г., частью и въ 1884 г.) около 60 человѣкъ такъ и остались вѣрными своему убѣжденію—новыхъ членовъ до 1900 года не было, хотя сочувствующихъ было много.

Среди еврейскаго населенія, несмотря на то, что ихъ называли „штундой"—репутація братства была идеальная. Жизнь, работа и вообще все поведеніе членовъ братства до того нравилось всѣмъ, что многіе прямо завидывали и ставили въ примѣръ отдѣльныхъ лицъ изъ братства.—Что же удерживало многихъ, спрашивается, отъ вступленія въ братство? Вотъ тутъ то и придется историку разобраться въ томъ психологическомъ предубѣжденіи, не давшемъ многимъ принять сердечно эту форму братства, не смотря на то, что ему и мило, и любо было все. Многіе такимъ образомъ продолжаютъ жить вовсе безъ религіи, не желая себя включить ни въ какую форму.

Со всѣхъ концовъ Россіи постоянно по почтѣ прибывали масса писемъ съ запросами о новомъ движеніи и было много желающихъ объявить себя членами братства. Всѣ эти письма сохранились до сихъ поръ и досужему историку интересно будетъ разобраться въ ихъ значеніи.

Работа братства въ смыслѣ распространенія своей идеи была непродуктивна еще и потому, что само братство жило въ такое реакціонное время. Правительство, разрѣшивъ братству собираться, вмѣстѣ съ тѣмъ давило также какъ и штундистовъ, запрещая распространять и печать проповѣди, говорить и пропагандировать на собраніяхъ и т. д. И вообще тогда были противъ всего живого и оздоровляющаго. Братство располагало одними только собраніями въ субботу, на которыхъ и произносились проповѣди.—Средствъ также не было, чтобы можно было печатать воззванія, раздавать ихъ и такимъ образомъ привлекать новыхъ и новыхъ членовъ. Даровитыхъ и дѣльныхъ людей не прибывало, работать некому было, наличное количество братьевъ и сестеръ было занято работой, вообще пропагандѣ не придавали значенія и такимъ образомъ святое дѣло умирало.

Такъ жило и работало братство до 1892 года. Преобладающимъ занятіемъ братьевъ было обязательное ремесло. Въ городѣ, изъ всѣхъ находящихся въ братствѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ учителей, всѣ занимались ремеслами, къ концу 1889 года въ среду библейцевъ пріѣхалъ одинъ изъ видныхъ учениковъ графа Толстого, Файнерманъ. Познакомившись со всѣми, онъ сталъ предлагать устроить интеллигентную колонію на началахъ, разумѣется, общинныхъ. Обѣщалъ даже содѣйствовать матеріально, такъ какъ его товарищи, Алехины, богатые помѣщики, роздали всѣ свои имѣнія и пошли въ народъ. Они дадутъ необходимыя средства, и дѣйствительно, полторы тысячи рублей были получены и израсходованы на нужды переселенцевъ въ деревню. Вызвалось на это дѣло три четыре семейства и въ Декабрѣ 1889 года переселились въ деревню для занятія земледѣліемъ.

Все вниманіе братства было обращено на эту маленькую колонію. Казалось, что братство готово пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ, лишь бы эта маленькая колонія удержалась: такъ были сильны его упованія на это дѣло!

Неурожайные годы, отсутствіе хорошей земли для обработки и другіе недостатки обезоружили и здѣсь нашихъ бѣдняковъ, а тутъ еще стали доноситься слухи изъ города, что дѣла братства совсѣмъ пошатнулись. Что будто бы преслѣдуютъ отдѣльныхъ лицъ, угрожаютъ арестомъ, словомъ дѣла стали падать, и маленькая колонія еще успѣла проводить въ дальній край, за океанъ, своего возлюбленнаго брата и иниціатора этого дѣла, Якова Гордина. Онъ перебрался въ Америку прежде чѣмъ что нибудь произошло, можетъ быть и опасенія многихъ были совершенно напрасны, но во всякомъ случаѣ время было тревожное.

Черезъ нѣкоторое время послѣ его отъѣзда получено было изъ министерства распоряженіе о совершенномъ воспрещеніи братству имѣть свое общество, синагогу, проповѣдывать и отобраніи у извѣстныхъ членовъ братства подписки о томъ, что они не будутъ собираться для проповѣди на собранія.

Такъ жило, работало и умерло Духовно-Библейское Братство, задавшееся цѣлію зажить истинной религіей и внести въ жизнь людей истинное пониманіе Божественныхъ идей.

Оставшіеся вѣрными традиціямъ Духовно-Библейскаго Братства глубоко убѣждены, что Братство или идея Братства не умерла, а живетъ среди людей, и они же глубоко вѣрятъ, что недалеко время, когда можно будетъ опять начать проповѣдывать эти истины среди людей.

Л. Б—ъ.

Изъ Теософическаго движенія.

Въ октябрскомъ номерѣ упоминалось объ основаніи Теософскаго Общества въ Смоленскѣ. Уже вышелъ первый номеръ журнала „Теософская Жизнь“, издаваемаго этимъ обществомъ. Первая статья „Радость“ начинается словами: „Возстаньте, братья, къ радости чистой, продолжительной,—серьезной радости! Забудьте болѣзни, страданья, забудьте страхъ и ненависть: вѣдь все это принадлежитъ преходящему, а не лучезарному, въ блаженствѣ пребывающему „я“,—не высшему „я“ и даже не нашему „я“—и далѣе „Любовь и радость не должны мы заглушать, онѣ не земного происхожденія, онѣ исходятъ изъ нашего истиннаго „я“, внутренняя сущность котораго—высшее блаженство“.

Далѣе журналъ описываетъ день открытія Смоленскаго Теософскаго общества съ сильно прочувствованными рѣчами и словомъ о. Игнатія, призывающаго къ настойчивости и единству въ этой великой борьбѣ и указывающаго, какой серьезный и священный долгъ лежитъ на каждомъ членѣ общества. Далѣе слѣдуетъ рѣчь председателя В. И. Штальберга о сочувственномъ отношеніи ко всѣмъ, постороннимъ, ищущимъ истины, и о помощи какъ себѣ, такъ и имъ, объ изученіи незыблемыхъ законовъ Творца, цѣлесообразности творенія и путяхъ къ побѣдѣ надъ страстями, этими великими препятствіями, отвлекающими насъ отъ свѣта и счастія. Послѣ этихъ воодушевленныхъ рѣчей была послана телеграмма Государю Императору:

„Въ день открытія перваго въ Россіи Теософскаго общества, въ древнемъ городѣ Смоленскѣ, члены-учредители, собравшись въ молитвенномъ единеніи и взывая о ниспосланіи Божьяго благословенія на предстоящій трудъ моральнаго оздоровленія человѣчества, обратились съ мольбой ко Всевышнему, да разрѣшитъ Онъ, Милосердный, Твою, Великій Государь, тяжкую заботу, и да сохранитъ онъ Твою драгоцѣнную жизнь на благо дорогой родины“.

На что Государь повелѣть соизволилъ благодарить членовъ перваго Теософскаго Общества въ г. Смоленскѣ.

Потомъ слѣдуетъ переводъ съ нѣмецкаго „Не осуждайте“, въ которомъ дурныя качества уподобляются темному облаку, а хорошія свѣтильнику. Выводъ удивительно логичный. Кто смотритъ не на свѣтильники, а на тьму, не только потеряетъ дорогу, но можетъ самъ споткнуться и упасть.

Далѣе статья отъ редакціи, гдѣ говорится, что цѣль журнала распространять идеи самоусовершенствованія, поднять моральный уровень человѣка и развить силу его характера, при чемъ обращается вниманіе на его мысли, ибо мысли—это тѣ же дѣла, и на

то, что постоянная работа въ себѣ обращаетъ волевые акты въ привычки, и дѣлаетъ легкимъ то, что сразу казалось почти невозможнымъ. Поэтому журналъ открываетъ цѣлую рубрику подъ названіемъ „Борьба духа съ матеріей". Подъ этой рубрикой дальше разбираются внутренніе враги человѣка какъ сластолюбіе, чревоугодіе, скупость, зависть и т. д., причемъ ярко иллюстрируется то несчастное состояніе, до котораго они доводятъ человѣка. Дальше переводная статья „Значеніе любви" съ ея двумя обязанностями: мы сами должны любить, и мы должны стараться быть любимыми. Вторая обязанность кажется вначалѣ любовью безъ взаимности,— однимъ изъ благороднѣйшихъ и самыхъ чистыхъ чувствъ человѣка,—ибо она развиваетъ *любовь въ другомъ существѣ*, истина такъ часто забываемая тѣми, кто любятъ. Потомъ статья объ „оккультизмѣ", условіяхъ, способствующихъ развитію сенситивности въ человѣкѣ ко всему высшему, о высшихъ сферахъ сознанія и трехъ мірахъ, матеріальномъ, астральномъ или мірѣ энергіи, и ментальномъ или мірѣ идей, духовныхъ принциповъ (можно добавить—освѣщенныхъ любовью, ибо эгоистическій интеллектуализмъ туда доступа не имѣетъ). Далѣе говорится, что оккультизмъ обнимаетъ собою изученіе наукъ естественныхъ, и съ другой стороны циклъ психическихъ областей: магнетизма, гипнотизма, телепатіи, ясновидѣнія, ментализма и т. д. Здѣсь авторъ могъ бы провести болѣе полную параллель, раздѣливъ оккультизмъ не на два, а на три разряда, соотвѣтствующіе тремъ сферамъ или мірамъ. Науки естественныя и психическія соотвѣтствуютъ матеріальному и астральному міру (Залъ Незнанія и Залъ Науки въ книгѣ „Голосъ Тишины" Е. П. Блавацкой). Но въ этой книгѣ ярко говорится о тьмѣ перваго зала и опасностяхъ второго зала, гдѣ подъ каждымъ цвѣткомъ змѣя лежитъ свернувшись, и гдѣ Мудрецы, т. е. Адепты не остаются долго. Но есть третій залъ—такъ называемый „Залъ Мудрости"—соотвѣтствующій міру идеи, залъ освѣщенный съ самаго начала божественнымъ свѣтомъ любви,—и только въ этомъ залѣ душа можетъ найти своего Учителя. Намъ очень пріятно видѣть, что общій тонъ журнала „Теософская Жизнь"— именно находится въ сферѣ этого третьяго зала, а занятіе гипнотизмомъ, магнетизмомъ и пр. отходятъ на задній планъ. Правда, магнетизмъ человѣка долженъ быть чистъ,—но и пища его тоже должна быть чиста; все это низшее,—но чистота ума и сердца— вотъ практика третьяго отдѣла оккультизма. Царствіе Божіе силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его, какъ образно выразился Христосъ. Изученіе религіозныхъ системъ и познаніе высшихъ міровъ, упомянутыя въ дальнѣйшихъ статьяхъ, именно должны имѣть эту цѣль въ виду.

По просьбѣ предсѣдателя Смоленскаго Теософическаго Общества, В. И. Штальберга перепечатываемъ нижеслѣдующее его обращеніе къ Обществу. Смоленское Теософское Общество и члены общества ставятъ своею непремѣнною задачею слѣдующее:

будить въ людяхъ совѣсть, не давать заглохнуть призывамъ ея къ добру; указывать на пагубу грѣха; давать наставленія къ укрѣпленію силъ духа; разъяснять губительное дѣйствіе на духовнаго и физическаго человѣка пороковъ—пьянства, разгула, блуда; указывать на богопротивныя дѣйствія человѣка въ отношеніи къ ближнему—на обманъ, несправедливость, жестокость, гордость, зависть; распространять всюду понятія о трезвости, правильной жизни, цѣломудріи, любви къ ближнему, честности, справедливости, кротости, имѣя постоянно передъ глазами высокій девизъ. Каждый членъ общества, гдѣ и когда только представится къ тому возможность, долженъ брать на себя иниціативу по устройству духовно-нравственныхъ чтеній, бесѣдъ и поученій народныхъ массъ; содѣйствовать по мѣрѣ силъ, устройству обществъ трезвости, пріютовъ для немощныхъ и алкоголиковъ, работныхъ домовъ, обществъ, снабжающихъ въ зимнее время бѣдныхъ теплою одеждою, квартирами и пищею, обществъ, берущихъ на себя заботу объ отбывшихъ наказаніе въ тюрьмахъ и арестныхъ домахъ, помогая имъ стать на честный путь; и наконецъ, призывать людей съ достаткомъ, на помощь неимущему посильною жертвою. Словомъ, всѣ силы и помыслы теософа должны быть отданы на службу ближнему, чтобы хоть сколько нибудь уменьшить то море горя и несчастья, которое грозитъ затопить все человѣчество.

Смоленское теософское общество надѣется приступить въ скоромъ времени къ устройству публичныхъ чтеній на христіанско-теософскія темы, не только въ Смоленскѣ, но и въ другихъ городахъ, и къ постепенному выполненію изложенной выше программы.

Для этого призываетъ оно всѣхъ сочувствующихъ выполненію намѣченной цѣли, придти обществу на помощь своею дѣятельностью въ качествѣ лекторовъ, соревнователей, а также и денежною жертвою на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ по проведенію въ жизнь намѣченной программы. Только тогда, когда всѣ добрые люди сплотятся вмѣстѣ, для общей работы любви, можетъ возродиться надежда на болѣе лучшее будущее, для растерзанной порокомъ и страдающей бѣдной братіи дорогой нашей родины.

Умолнемъ всѣхъ людей, ради самаго Бога и для Бога, откликнуться на настоящій призывъ и соединенными силами работать на моральное обновленіе ближняго, придти на помощь страждущему брату и работать на исполненіе молитвы Господней,—„да пріидетъ Царствіе Твое".—постоянно помня слова Спасителя: „Истинно

говорю вамъ, такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ меньшихъ, то сдѣлали мнѣ". (Матѳ. 25, 45).

Лицъ, желающихъ принимать участіе въ предстоящей работѣ, для устройства народныхъ чтеній на христіанско-моральныя темы, по программѣ теософскаго общества, просимъ заявить о томъ письменно Предсѣдателю Общества, Владиміру Ивановичу Штальбергу въ г. Смоленскѣ. Имъ же принимаются и денежныя пожертвованія на благотворительныя учрежденія общества.

Убѣдительно прошу братскіе печатные органы перепечатать настоящее обращеніе къ обществу и у себя.

Редакторъ-Издатель

В. Богушевскій.

